ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 108 (3137) Четверг, 10 сентября 1953 г. Цена 40 коп.

125-летие СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Л. Н. ТОЛСТОГО

Гений русской литературы

Торжественное заседание в Колонном зале Дома союзов

Вчера в Колонном зале Дома союзов на торжественное заседание, посвященное 125-летию со дня рождения гениального русского писателя Льва Николаевича Толстого, собрались ученые, артисты, писатели, художники, рабочие, студенты, офицеры. Среди присутствующих были главы посольств и миссий, аккредитованные в Москве.

От имени правления Союза советских писателей СССР и президиума Академии наук СССР вечер открывает Константин Федин.

— Необыкновенно отрадно быть свидетелями такого широкого народного чествования гения русской литературы — Льва Толстого, какое мы видим в эти дни во всех советских республиках,— заявил он.

У нас вырос и продолжает расти человек новой культуры, который вобрала в себя все исторически-ценное наследие прошлого. Толстой включен этой новой культурой в ее нерушимое достояние, в богатства, составляющие ее гордость.

Мы можем убежденно сказать, что Толстого знает народ, а этим знанием и порождается любовь к нему. Потому что, узнавая произведения Толстого, читатель, как ни в какой иной книге, находит у него изумляюще-яркие, истинно-живые образы народных характеров.

«Глыбой» назвал Льва Толстого Ленин в своем разговоре о «Войне и мире» с Горьким, и это определение так: только художник столь могучего гения, только глыба способна была сдвинуть с места и заполнить жизнью такой разновидный, такой многоликий материал действительности, какой мы находим у Толстого. Рядом с изображением здоровых, полноценных, радостных сторон жизни Толстой вскрыл без пощады и снисхождения все преступления самодержавия против русского народа, все язвы помещичьего строя.

С годами разительная критика Толстого все расширяла мишень, по которой била. В своей публицистике он вел наступление против всех пороков капиталистического мира. Он считал буржуазные государства мнимосвободными, порицал лицемерие и обман парламентаризма, говорил, что выборы в Соединенных Штатах Америки организуются «аферистами», бросающими на это миллионы, выступал против колониальных войн империалистов в Африке и Азии.

Эта острая критика звучит справедливо и в наши дни, клейми и поражая идеологов и приспешников капитализма.

Слабые стороны философии Толстого, заключающиеся в его религиозно-нравственном исповедании «совершенствования», в его проповеди «непротивления», нашли глубокий критический анализ в известных статьях Ленина.

Гений Толстого-художника остается живым и действенным, вопреки его философской позиции, опровергая ее миром реальности, миром изображаемой им общественной борьбы, миром, который передает нам Толстой во всем сверкании, во всей страсти своего искусства.

Влияние Толстого на мировую литературу, признанное в прошлом веке выдающимися писателями, классиками Востока и Запада, в наш век не прекращается,— оно незыблемо. В читательской аудитории всех стран и на всех языках это влияние растет.

С докладом «Великий русский писатель — Лев Николаевич Толстой» выступает проф. Н. Гудзий. Он характеризует величие художественного творения Льва Толстого, как вершину русского классического реализма. Докладчик приводит высказывание В. И. Ленина о том, что мировое значение Толстого, как художника, его мировая известность, как мыслителя и проповедника, и то и другое отражает, по-своему, мировое значение русской революции. Н. Гудзий говорит:

— Только писатель, отразивший в своем творчестве основные движущие силы исторического процесса, проникнутый интересами общенародной жизни, может считаться подлинно великим писателем, и наследие только такого писателя остается немеркнущим в веках. По необычайной силе своего дарования, по смелости и новизне мастерства, по величию и простоте, по способности будить в читателе самые волнующие чувства и самые высокие мысли Толстой может быть поставлен в один ряд только с Пушкиным, перед которым он преклонялся и которого считал отцом русской литературы и своим учителем.

За высокая ступень, на какую поднял Толстой искусство реалистического изображения жизни, была обусловлена его неутомимыми поисками жизненной правды, ставшей для него еще в раннюю пору духовного и литературного развития самым любимым героем.

«Сила России не в нас, а в народе»,— говорил Толстой устами Лабазова, героя незаконченного романа «Декабристы». И это его убеждение нашло свое выражение в бессмертной эпопее «Война и мир» — одном из величайших созданий мировой литературы.

— Толстой-художник,—подчеркивает Н. Гудзий,— оказал огромное влияние не только на дореволюционную русскую и современную ему зарубежную литературу, но и на литературу советскую, и на творчество прогрессивных писателей во всем мире. Великая Октябрьская социалистическая революция сделала наследие Толстого достоянием всей нашей культуры. Со всей силой звучит сегодня голос Толстого в защиту прав и достоинства человека, его гневный протест против апологетов кровавой человеческой бойни, против зачинщиков и поджигателей войны, против социального неравенства и всяческой неправды, фальши и лицемерия. Этот неумолкающий голос Толстого — залог его бессмертия в памяти русского народа и всего человечества.

В этот вечер со сцены Колонного зала прозвучали в исполнении лучших артистов Москвы отрывки из бессмертных произведений Льва Толстого.

* * *

Торжественные заседания, посвященные 125-летию со дня рождения Л. Н. Толстого, состоялись вчера в столицах союзных республик, Ленинграде и многих других городах. В последние дни происходили расширенные заседания филиалов Академии наук СССР, Ученых советов различных институтов, а также Ученого совета Государственного музея Л. Н. Толстого в Москве.

К юбилейным дням открылись многочисленные выставки в библиотеках, дворцах культуры, клубах, вузах и школах. На большой выставке, организованной в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина, показаны различные издания произведений Л. Н. Толстого на языках народов СССР. Другая выставка — переводов произведений Л. Н. Толстого на иностранные языки — открылась во Всесоюзной библиотеке иностранной литературы.

* * *

Широко отмечаются юбилейные дни Л. Н. Толстого за рубежами нашей Родины — в Германской Демократической Республике, Финляндии, Польше, Чехословакии, Монголии и других странах. Иностранная печать публикует статьи, рассказывающие о жизни и творчестве великого писателя, его портреты. Финская газета «Хельсингин саномат» отмечает, что Толстой является одним из самых читаемых имен мировой литературы, что его книги читаются во всех странах. Берлинская газета «Нейес Дейчланд» опубликовала большую статью «Лев Толстой, как зеркало русской революции», в которой знакомит читателей с высказываниями В. И. Ленина и А. М. Горького о творчестве Л. Толстого.

* * *

Вместе со всем прогрессивным человечеством общественность Китая отмечает 125-летие со дня рождения великого русского писателя Л. Н. Толстого. 9 сентября Шанхайское отделение Всекитайской ассоциации работников литературы и искусства совместно с городским отделением Общества китайско-советской дружбы провело заседание, посвященное знаменательной дате. После доклада о жизни и творчестве Л. Н. Толстого был показан кинофильм «Анна Каренина».

* * *

8 сентября в Пхеньяне состоялось торжественное собрание, посвященное юбилею Л. Н. Толстого. С докладом о жизни и деятельности великого русского писателя Льва Толстого выступил известный корейский писатель Хан Сер Я. Вечера и собрания, посвященные 125-летию со дня рождения Толстого, проводились в Вонсане, Хамхыне, Синыйджу и других городах, а также на многих предприятиях. Вышедший 8 сентября номер газеты «Чосо мунхва» целиком посвящен жизни и творчеству Толстого.

Всесторонне удовлетворять эстетические запросы народа

Маяковскому принадлежит крылатая фраза: «Больше поэтов хороших и разных».

В этой точной поэтической формуле понятия «хороший» и «разный» не случайно стоят рядом. Чтобы развивать вкусы, обогащать духовный мир людей, удовлетворять разносторонние эстетические запросы народа, искусство и само должно быть неисчерпаемо богато и разнообразно. Изобилие духовной культуры предполагает не только увеличение числа новых произведений, но и их качественный рост: богатство содержания, идей, мыслей, требующих для своего выражения многообразия форм, стилей, жанров, приемов художественного творчества. Без этого невозможно запечатлеть на бумаге, кинопленке, полотне красоту и сложность жизни, высокие душевные качества советского человека, гражданина великой социалистической державы.

Коммунистическая партия и Советское правительство неустанно заботятся о создании изобилия материальных и духовных богатств в нашей стране, о воспитании эстетических вкусов советского народа. Величайшей заботой о наших людях, о том, чтобы им радостно, хорошо жилось, были проникнуты решения закончившейся недавно пятой сессии Верховного Совета СССР.

Деятели литературы и искусства призваны еще глубже проникнуться интересами народа, больше создавать разнообразных по форме и жанру ярких, талантливых произведений, проникнутых духом советского патриотизма, активно пропагандирующих советскую идеологию.

Выступая на совещании деятелей советской музыки, А. А. Жданов говорил: «Человек, с точки зрения музыкального восприятия,— это такая чудесная и богатейшая мембрана или радиоприемник, работающий на тысячах волн,.. что для него звучания одной ноты, одной струны, одной эмоции недостаточно». И не только музыка — все роды искусства должны вызывать в душе человека ответное звучание, пробуждать лучшие, благороднейшие стремления и чувства. Чем больше струн заденет произведение искусства, тем выше будет его значение, тем лучше выполнит оно свою роль — могучего средства коммунистического воспитания масс.

Советские писатели, художники, артисты добились больших успехов. Однако можно ли сказать, что многогранная и кипучая жизнь советского общества достаточно полно и ярко отражается в произведениях наших писателей и художников, что у нас достигнуто то богатство и разнообразие жанров, которых требуют от искусства советские люди?

Всенародной любовью пользуется наша советская литература. Но читатели давно ждут появления крупных прозаических произведений, равных по своей идейной силе и художественному мастерству таким романам, как «Тихий Дон», «Поднятая целина», «Хождение по мукам», «Молодая гвардия», «Первые радости» и другие. Безграничны возможности поэзии в выражении чувств и мыслей человека, велика сила поэтического слова в формировании лучших душевных качеств советских людей. И можно лишь пожалеть, что на страницах журналов и газет, в сборниках стихов редко появляются поэтические произведения разных жанров, согретые глубоким, искренним чувством, отмеченные яркой творческой индивидуальностью автора.

На таком важном участке идеологического фронта, как драматургия, жанровое однообразие стало серьезным тормозом, сковывало и обедняло творческие возможности художника. Немалую роль в этом сыграла порочная «теория» бесконфликтности. Призывая к отказу от изображения острых жизненных коллизий, она толкала художника к стандарту и нивелировке, ставила под сомнение самую возможность существования в советской драматургии таких жанров, как сатирическая комедия или остро конфликтная бытовая социальная драма.

Трудно поверить, что еще совсем недавно сатирическая комедия была чуть ли не «пасынком» в советском театре. Сейчас еще в среде драматургов и театроведов продолжается спор — может ли наша советская действительность дать материал для трагедии. Самое отрицание возможности существования важных жанров драматургии привело к тому, что стали появляться произведения, лишенные и силы подлинного драматизма и сатирической остроты, жанр которых даже невозможно было точно определить. Это были не драмы и не комедии, а «производственные пьесы», «колхозные пьесы», похожие друг на друга, и рассказывали они не историю характеров, а историю технических изобретений, производственных новшеств.

Интересы советского зрителя требуют, чтобы разнообразны были не только жанры советской драматургии, но и сами театры. Чем подкупил, например, столичных зрителей новосибирский драматический театр «Красный факел», недавно гастролировавший в Москве? Творческой индивидуальностью. Этот театр добивается углубленного раскрытия мира человеческой души и строит репертуар соответственно своим творческим поискам.

К сожалению, есть у нас театральные коллективы, в том числе и давно сложившиеся, не первый год работающие на столичных сценах, которые вряд ли порадуют зрителя «лица необщим выраженьем». За последние годы театры нередко упрекают в отсутствии собственного творческого лица. И эти упреки справедливы. Еще Немирович-Данченко сурово предупреждал, что театрам, которые только повторяют, копируют принципы старых театров, «нечего делать **в центре художественной жизни страны,** где ценности создаются, а не копируются».

Сейчас в драматургии наметилось некоторое оживление. В журналах и альманахах опубликованы новые пьесы известных драматургов и молодых начинающих авторов. Это позволяет надеяться, что нынешней зимой на сценах театров больше появится новых спектаклей, подкупающих смелостью сценических решений, творческих поисков, режиссерской выдумки.

Искусство по самой своей природе не терпит стандарта, единообразия. К чему приводит одностороннее увлечение одним каким-либо жанром, неправомерное его выдвижение за счет других, — отчетливо видно на примере историко-биографических фильмов.

У нас выпущена целая серия таких фильмов. Есть замечательные биографические картины «Академик Иван Павлов», «Мусоргский», «Мичурин» и другие. Но при всех неоспоримых достоинствах ряда историко-биографических картин нужно прямо сказать, что для некоторых видных мастеров кино работа над этими фильмами означала отход от современной тематики. За последнее время создано куда больше историко-биографических картин, чем современных комедий, драм. Кроме того, именно в биографических фильмах штамп и шаблон стали ощущаться отчетливее, чем в любой другой области киноискусства. Стремление к грандиозности постановки, к внешней парадности и пышности порой заслоняет от постановщика, а значит, и от зрителей мир человеческой души. Изображение процесса творчества в фильмах о выдающихся русских композиторах только как записывания или проигрывания мелодий, без проникновенного раскрытия внутреннего мира художника, рождения музыкальных тем и музыкальных образов, действительно выстраданных, выношенных в глубине души, сейчас уже воспринимается, как один из вариантов бесконечно повторяющегося приема.

Наконец, обязательное появление на экране целого сонма более или менее удачно загримированных исторических личностей, только позирующих перед аппаратом, но органически не включенных в сюжет произведения, стало настоящим бедствием биографических лент. Не удивительно, что интересный и вначале хорошо принятый зрителями жанр киноискусства, который создал свои традиции и накопил известный опыт, ныне не достигает новых успехов.

Или вспомним, например, художественные выставки последних двух-трех лет. Свежи в памяти первоклассные полотна многих мастеров советской живописи — Б. Иогансона, В. Ефанова, В. Серова, Ю. Непринцева, С. Григорьева, Ф. Решетникова, Т. Яблонской и других, отмеченные глубоким творческим своеобразием и столь различные по содержанию, характеру, стилю, манере исполнения. А наряду с этим память подсказывает немало произведений, сделанных по принципу некоего всеобщего стандарта. Сколько уже прошло перед нашими глазами картин на «колхозную» тему, где агроном или председатель колхоза шагал среди высоких колосьев ржи, либо, опершись на велосипед, с горделивым видом осматривал богатый урожай; сколько мы повидали «школьных» картин-близнецов с одинаковыми девочками в чистых форменных платьицах, которые, одинаково улыбаясь, подносили одинаковые букеты цветов учителю или учительнице.

В популярном, любимом народом жанре—массовой песне — ощущается поверхностный, ремесленнический подход к делу. После вдохновенных, подлинно всенародных песен Великой Отечественной войны, выразивших сокровенные думы и чувства миллионов советских людей, композиторы-песенники создали немало удачных произведений о мирных трудовых подвигах строителей коммунизма. Широко известны в нашей стране и далеко за ее рубежами советские песни о борьбе народов за мир. Однако за последнее время в массовый обиход проникают пошловатые суррогаты лирических песен, не имеющие ничего общего с настоящей лирикой, песни, в которых подлинная сердечность и задушевность подменяются слезливой сентиментальностью. Используя популярную в народе форму вальса, композиторы пишут многочисленные вальсы — школьные, студенческие и т. д., где варьируются одни и те же избитые музыкальные интонации, а иные поэты сочиняют к этим вальсам непритязательные тексты.

Искусство в нашей стране стало жизненной потребностью многомиллионных народных масс. Партия и Советское государство воспитывают в народе хорошие вкусы и высокую требовательность к произведениям литературы и искусства. Это обязывает писателей, композиторов, художников, критиков и органы, руководящие искусством, наши творческие союзы проявлять больше заботы о богатстве и многообразии искусства, решительно искоренять дух ремесленничества, всякий стандарт и однообразие. Только недостаточной заботой об удовлетворении эстетических запросов народа можно объяснить то обстоятельство, что бывший Комитет по делам искусств и оргкомитет Союза советских художников, отбирая картины для выставок, нередко включали в экспозицию произведения слабые, порой повторяющие друг друга, что в ряде театров существует большой качественный разрыв между премьерой и тем же спектаклем некоторое время спустя. Ничем нельзя оправдать и то, что крупнейшие певцы-исполнители подолгу не расширяют и не обновляют свой концертный репертуар, из года в год выступают перед слушателями с одними и теми же программами.

Серьезные претензии следует предъявить Союзу советских писателей. Не так давно союз всерьез заинтересовался проблемой развития сатирической комедии и посвятил этому вопросу ряд творческих обсуждений. Но вспомнив о комедии, комиссия по драматургии, словно забыла, что ее долг—ориентировать писателей на создание произведений и других жанров. До сих пор не созвано давно уже намечавшееся всесоюзное совещание по вопросам театральной критики, хотя такое совещание, несомненно, могло бы оказать действенную помощь драматическим писателям и театрам.

Борьба против стандарта и нивелировки в искусстве — первейшая обязанность творческих организаций.

Глубокий, пристальный интерес к рядовому советскому человеку, к его богатому душевному миру поможет художникам еще полнее и ярче передать средствами искусства пафос и героику современности, создать новые значительные произведения, помогающие воспитывать нового человека— строителя коммунистического общества.

Путь мирного труда

Братская семья советских народов живет одними помыслами и стремлениями. Наша цель — светлое коммунистическое завтра, наш путь — мирный созидательный труд.

Советский народ всегда хранит мужественное спокойствие. Но мир знает, какую силу и храбрость проявил он на полях сражений и проявляет сегодня в труде, строительстве. Именно это беззаветное мужество и трудовая доблесть советских людей, руководимых любимой Коммунистической партией, создали новое, могущественное и самое справедливое государство, надежный оплот мира во всем мире.

Каждому ясно: чем сильнее наше государство, тем сильнее и всемирное движение сторонников мира. Уже на первых собраниях, происходивших на Украине, так же как на недавнем пленуме Украинского республиканского Комитета защиты мира, все выступавшие — были ли это ученые или колхозники, писатели или сталевары, железнодорожники, артисты, учителя, композиторы — все они в первую очередь рассказывали о том, что делается для укрепления Советского государства.

Украинская земля, как известно, испокон веков была плацдармом жестоких, опустошительных войн. Многочисленные набеги чужеземных полчищ систематически разрушали ее села, города. Последнее нашествие гитлеровцев и их вассалов нанесло Украине неисчислимые раны.

Наш народ сумел быстро поднять из развалин свои города и села. Неоценимую помощь оказали народы-братья во главе с великим русским народом. Отстроено и восстановлено почти все, что можно было отстроить и восстановить. Города и села стали еще лучше, еще краше, чем были до войны. Но не каждую рану можно залечить, не всякое горе забыть. Память о погибших долго будет томить сердца, как и мысль о сотнях тысяч людей, искалеченных войной.

Много жертв понес в последнюю войну советский народ. Именно поэтому ему так близки страдания Кореи, именно поэтому он знает цену миру, именно поэтому он не бряцает зря оружием, хотя оружие у него, как известно, имеется, и самое совершенное.

Вместе со всеми советскими людьми народ Украины приветствует решения будапештской сессии Всемирного Совета Мира и пленума Советского Комитета защиты мира об усилении движения за урегулирование спорных международных вопросов между государствами мирным путем.

К этим решениям присоединяют свои голоса и писатели. Советская литература — литература мира. Лейтмотивом всех произведений наших поэтов, беллетристов, драматургов, публицистов, критиков всегда были и есть мирный труд героического советского народа, его подвиги во имя мира.

Неся в своих сердцах сыновнюю любовь к великой социалистической матери-Родине, писатели Украины сделают все возможное, чтобы поддержать движение сотен миллионов людей за мир и содружество народов.

Любомир ДМИТЕРКО

НА СПОРТИВНЫЕ ТЕМЫ

Волейболисты должны играть лучше

На днях в Иванове закончился розыгрыш кубка СССР по волейболу. Победу одержали москвичи — женская команда «Динамо» и мужская команда ЦДСА. Если в финальной встрече между волейболистами ЦДСА и киевским «Спартаком» была упорная борьба, то женская команда «Динамо» без особого труда взяла верх над ленинградскими спартаковцами.

Странное дело, успех не вызвал ни у меня, ни у моих подруг по команде того радостного чувства, которое обычно приносит победа.

Чем же это объясняется? Известно, что волейбол в нашей стране необычайно популярен. У нас насчитывается более двух миллионов волейболистов, регулярно участвующих в соревнованиях. Сборные команды Советского Союза являются чемпионами мира и Европы. Все это так, и этим мы гордимся.

Но, к сожалению, за последнее время наши волейболисты и волейболистки, как мне кажется, остановились в своем росте, почили на лаврах. Наблюдается явный застой.

Недавно наши сборные команды участвовали на Всемирном фестивале молодежи в Бухаресте и заняли первые места в состязаниях по волейболу. Однако победа далась им ценою больших усилий, о чем лучше всего свидетельствует счет. Результат матча мужских команд СССР—Румыния: 15:11, 11:15, 15:11, 9:15, 15:13. В решающей пятой партии между румынскими и советскими волейболистами одно время счет был 13:9 в пользу румынских спортсменов. Итог встречи женских команд СССР — Чехословакия: 12:15, 15:11, 17:15, 13:15, 15:6.

Я помню, как три года назад волейболисты Румынии делали еще первые шаги, по существу, учились играть. А теперь наши румынские друзья добились несомненных успехов. Взяв все лучшее, чем располагает советский волейбол, освоив нашу технику и тактику, они заметно двинулись вперед. То же можно сказать о чехословацких и румынских волейболистках, болгарских волейболистах.

Наши ведущие команды должны играть лучше. Надо учесть и то, что они испытывают серьезные затруднения в подборе новых игроков. Дело в том, что слишком велик разрыв в уровне игры между ведущими командами и командами низовых коллективов. Не будет преувеличением, если я скажу, что массовый волейбол у нас предоставлен сам себе. Сейчас только в Москве и Киеве имеется несколько сильных команд; вряд ли насчитаешь 25—30 волейболистов действительно высокого класса.

Не пора ли руководителям спортивных организаций задуматься над этим?

А. ЧУДИНА,
заслуженный мастер спорта

О базах, инвентаре и прочем

За последнее время в газетах немало писалось о том, что отсутствие необходимого количества спортивных баз и инвентаря сильно тормозит движение нашего спорта.

В Киргизии, например, на всю республику есть только два стадиона (оба во Фрунзе), ни одного велотрека, ни одного зимнего бассейна для плавания, ни одного хорошего гимнастического зала. На прекрасном естественном водоеме — озере Иссык-Куль—тщетно было бы искать водную станцию, вышку для прыжков. О яхтах и академических гребных судах мы только мечтаем.

Плохо обстоит дело и со спортивным инвентарем. Можно ли всерьез говорить о развитии в Киргизии легкой атлетики, если на всю республику имеется только... шесть шестов для прыжков? Мы крайне редко видим у себя сильнейших мастеров страны. Главное управление по физической культуре и спорту Министерства здравоохранения СССР не планирует показательных выступлений в столице нашей республики, не говоря уже об областных центрах. А между тем такие выступления, если бы они проводились регулярно, принесли бы большую пользу для роста мастерства спортсменов Киргизии и пропаганды физкультуры и спорта.

Мне хотелось бы также высказать следующее пожелание: в целях дальнейшего повышения мастерства наших спортсменов необходимо изменить существующую систему присвоения разрядов. Неправильно, что разряд присваивается за результат, показанный только однажды. Разряд следует повышать за устойчивые результаты, показанные 3—4 раза на протяжении сезона. Что касается таких видов спорта, как футбол, баскетбол, волейбол, теннис, бокс, водное поло, то здесь разряд надо присваивать, оценивая не только количество побед, но и их качество, стиль, уровень техники.

Инженер В. КУЗНЕЦОВ,
судья республиканской категории

г. ФРУНЗЕ

Год рождения 1900-й

На республиканских состязаниях по легкой атлетике нынешнего года внимание участников и болельщиков привлекла стройная, с тоненькими косичками, девушка лет пятнадцати-шестнадцати. Она прыгнула в высоту на 149 сантиметров. Судья объявил о новом рекорде республики, установленном самой молодой участницей соревнований — ташкентской школьницей Валентиной Баллод.

О юной рекордсменке мы вспомнили в связи с другим спортивным событием: в республиканских состязаниях по велосипеду новый рекорд республики на 25-километровую дистанцию установила Анастасия Алексеевна Клещенко—электрик завода Ташсельмаш имени Ворошилова.

Анастасия Алексеевна, думается, не обидится на нас, если мы сообщим год ее рождения — 1900. Вопреки предсказаниям некоторых врачей, спортивно-технические результаты этой пятидесятитрехлетней спортсменки из года в год растут.

— Мы с мужем (он также работает на нашем заводе),—рассказывает А. Клещенко,— несколько лет назад приобрели велосипеды. Спортом заниматься не собирались. Цель у нас была простая — загородные прогулки, здоровый отдых. Но вот инструктор коллектива физкультуры нашего завода предложил принять участие в городских велогонках. После некоторых колебаний мы решили поддержать спортивную честь завода. Я заняла первое, а муж — четвертое место в городе. С тех пор мы увлеклись спортом по-настоящему. Я, например, отлично себя чувствую после гонок на 25 и 50 километров, а муж успешно соревнуется с молодежью на стокилометровой дистанции. Я участвую почти во всех республиканских состязаниях, два раза выезжала на всесоюзные — в Ригу и Минск. Сейчас мне принадлежат рекорды Узбекистана в гонках на 10, 20, 25 и 30 километров.

— Мне кажется, спортсмену годы — не помеха,— заявляет Анастасия Алексеевна.

Мих. ПРУГЕР

ТАШКЕНТ

Поединок равных

Почти месяц длится в Ленинграде борьба за звание чемпионки мира по шахматам между ленинградкой Людмилой Руденко и москвичкой Елизаветой Быковой.

Противницы ставят друг другу трудные задачи. Ничьи не устраивают обеих и по турнирному положению и по присущему советским шахматистам стремлению к напряженной борьбе. В поисках обострений участницы, особенно Быкова, нередко попадают в цейтнот, резко меняющий ход борьбы. В международных турнирах Руденко и Быкова уверенно занимали первые места, обеспечив их себе еще до последнего тура. Сейчас, после десятой партии, которую выиграла вчера на 74-м ходу Руденко, счет равный — 5:5.

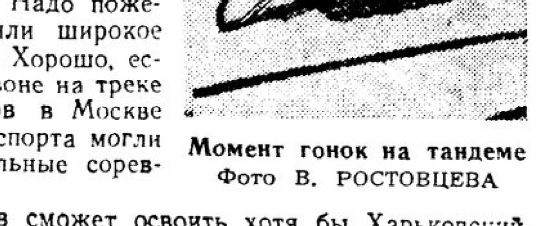
Возможно, что только последняя, четырнадцатая партия определит, кому из советских спортсменок будет принадлежать почетное звание чемпионки мира по шахматам.

ТАНДЕМ

Недавно у нас гостили венгерские велосипедисты. Они участвовали в гонках по шоссе и треку. Внимание зрителей привлекли показательные заезды венгерских спортсменов на тандемах.

Что же представляет собой тандем?

Это велосипед, имеющий два колеса, но... две пары педалей, два руля и два седла. Гонщики на такой машине развивают скорость до 70 километров в час. Искусство езды на тандеме состоит в том, чтобы добиться полной согласованности действий обоих партнеров. Гонщик, сидящий сзади, ведет наблюдение за соперниками и подсказывает своему товарищу, низко пригнувшемуся к рулю, как вести состязание.

Момент гонок на тандеме
Фото В. РОСТОВЦЕВА

Гонки на тандемах входят в программу олимпийских игр. Надо пожелать, чтобы они получили широкое распространение и у нас. Хорошо, если бы уже в будущем сезоне на треке стадиона Юных пионеров в Москве любители велосипедного спорта могли наблюдать эти увлекательные соревнования.

Производство тандемов сможет освоить хотя бы Харьковский велозавод, имеющий наибольший опыт создания гоночных машин.

В. КАПИТОНОВ,
мастер спорта

ИЗЫСКАТЕЛИ

Кызыл-Кумы — исхлестанная горячими ветрами, выжженная солнцем, изъязвленная солончаками, неоглядная, суровая равнина красных песков. Едешь день, другой, неделю: сухая, поросшая бурой осокой и колючим янтаком степь сменяется высокими грядами ползучих барханов, шуршащих и отливающих на солнце ярко-оранжевым светом. Изредка покажутся искривленные заросли корявого саксаульника или, глядишь, пропылит стороной черный островок отары каракульчевых овец, и снова пески, пески...

Но если ныне вам доведется побывать в центральных Кызыл-Кумах и преодолеть шестисоткилометровый путь от Бухарского оазиса до Мин-Булакской котловины, то в самом сердце пустыни увидите необычайное зрелище. Еще издали, будто мираж, перед взором возникнут прозрачные водяные струи шести огромных фонтанов, бьющих среди зелени молодых садов. Струя самого крупного фонтана достигает высоты четырехэтажного дома.

Два года назад здесь, в глухом уголке пустыни, впервые разбила свой лагерь изыскательская партия Узбекской гидро-геологической экспедиции Министерства сельского хозяйства и заготовок СССР.

— Мин-Булак по-узбекски означает «тысяча родников», — рассказывает главный геолог экспедиции М. Бурак. — Занимаясь поисками и разведкой артезианских бассейнов в Кызыл-Кумах, мы два года назад заложили на дне котловины пробные скважины. Тогда на сотни километров вокруг не было ни души.

Вода, отысканная геологами, неузнаваемо преобразила район Мин-Булакской котловины. На месте, где вчера лежала мертвая пустыня, сегодня вокруг прохладных фонтанов вырос поселок тамдынского овцеводческого колхоза «Коммунизм». Вам с гордостью покажут здесь новые здания школы, клуба, колхозного правления, ферм, поведут по тенистым аллеям фруктового сада, угостят салатом из собственных помидоров и огурцов и впервые выращенными на колхозных бахчах арбузами и дынями. А если захотите освежиться, вас поведут к рожденному фонтанами семикилометровому речушку.

Но не только в Мин-Булакской котловине бьют сегодня водяные фонтаны. Начальник Узбекской гидро-геологической экспедиции В. Фомин разворачивает перед нами карту Кызыл-Кумов.

— Взгляните на эти светлые пятна, разбросанные в пустыне,—говорит он.—Это новые артезианские бассейны в пустыне, новые цветущие оазисы. Первые результаты наших разведок превзошли все ожидания. Водяные фонтаны, забившие в Кызыл-Кумах, открывают широкие перспективы для водоснабжения огромных пастбищ. И все это достигается без больших капиталовложений.

Вокруг фонтанов возникают новые оазисы, разрастаются поселки, закладываются сады, виноградники, огороды...

А геологические отряды уходят все дальше, в глубь пустыни; над песчаными барханами поднимаются бревенчатые копры буровых вышек, и ложатся на карту Кызыл-Кумов зеленые крапинки новых оазисов.

Камил ФАЙЗУЛИН,
корреспондент «Литературной газеты»

ТАШКЕНТ

Произведения приморских авторов

ВЛАДИВОСТОК. В приморском отделении Союза советских писателей состоялось обсуждение новой книги В. Кучерявенко «Перекоп» ушел на юг». Повесть рассказывает о выдержке, нравственной силе и мужестве советских моряков. Она получила хорошую оценку и принята к печати.

Вторую книгу романа «Черный камень» закончил писатель К. Майборов. В ней рассказано об активном участии сучанских горняков в борьбе против иностранных интервентов в 1918—1922 годах. Малым народностям Советского Дальнего Востока посвятил свою повесть «У Синих сопок» И. Божок. О самоотверженном труде коллектива рабочих Владивостокского торгового порта написал повесть «Светлые будни» М. Матюшин. Заведующий кафедрой учительского института Е. Терешонков рассказал о своей профессии в записках учителя «Незабытые уроки», которые в ближайшие дни выходят из печати.

До конца нынешнего года в Приморском издательстве выйдет 26 новых книг местных авторов.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Заочная чехарда

Необычайная история произошла со мной. Хочется рассказать о ней, потому что, думается, она представляет известный общественный интерес.

Сотни тысяч людей учатся у нас заочно в средних и высших учебных заведениях. Тем более странно, что нашлось одно такое учебное заведение, где мое стремление к знаниям почему-то сочли предосудительным. Во всяком случае, в течение двух лет от меня отмахивались, как от назойливой мухи.

Речь идет об Иркутском финансовом техникуме. Еще в июле 1951 года я послал туда необходимые бумаги с просьбой о зачислении на заочное отделение.

Стал ждать ответа из техникума. Прошел август. За ним сентябрь. В первые сентябрьские дни, когда учебные заведения страны начинают занятия, я испытывал особенно грустное чувство. Нет мне ответа.

Настал ноябрь. И тут я решил напомнить о себе. Написал в Иркутск: так, мол, и так, объясните, почему нет ответа?

Наконец, в конце декабря получаю долгожданное извещение из техникума: «Сообщаем, что зачислить на учебу не представляется возможным за отсутствием подлинного документа об образовании». Мне предлагали обменять в районо справку об окончании восьми классов средней школы на документами «установленного образца», после чего техникум сможет зачислить меня на заочное обучение «при проведении нового набора в 1952 году».

Так вот в чем причина! Почему же мне об этом сразу не написали? Это можно было сделать еще в июле, ну, в крайнем случае, в августе, а не спустя четыре месяца после начала учебного года. Так для меня был потерян целый учебный год.

— Ладно,— решил я,— подождем...

Июль 1952 года. Вооруженный всеми документами «установленного образца», вновь отправляю бумаги в техникум. На этот раз сравнительно быстро получаю ответ, что допущен к приемным экзаменам, которые мне разрешается сдать в местной средней школе. Экзамены я сдал, и соответствующий документ был своевременно послан в Иркутск.

Проходят сентябрь и половина октября. Учебных материалов мне не шлют. Даю телеграмму, спрашиваю — что за причина?

Ноябрь. Наконец-то! Из техникума пришел учебный график с тремя программами-заданиями: по литературе, физике и немецкому языку. И хотя в графике значилось девять предметов и, стало быть, я должен был получить девять программ-заданий, я был рад и тому, что получил. В течение ноября и начала декабря выполнил эти три программные контрольные работы и отослал в Иркутск.

Время шло, я все ждал, когда же мне пришлют остальные задания, а заодно и известят о результатах уже посланных контрольных работ.

Январь 1953 года. Вместо заданий получаю письмо, в котором от меня снова требуют удостоверение «установленного образца» об образовании и пишут: в противном случае «будете отчислены из числа учащихся заочного отделения».

И смех и грех! Ведь я направлял недавно именно такой документ в техникум. Было это в июле 1952 года. В чем же дело? Думаю, чем объясняться по почте с дирекцией техникума, лучше пошлю им копию того же удостоверения, которое отвечает требуемой форме. И послал.

Март. Пришли оценки моих контрольных работ. Ну, значит, не отчислили. Но, кроме трех уже выполненных заданий, мне больше ничего не шлют. Пишу напоминание — нет ответа.

Май... Мне письмо из техникума. В конверте извещение на стандартном бланке: «Вами не внесена плата за обучение в сумме ста рублей за... полугодие». За сим следует предупреждение, что при «неуплате денег в ближайшее время вы будете отчислены... а документы не будут вам возвращены» (это предупреждение характерно по тону, каким дирекция техникума разговаривает с заочниками).

Плату за обучение, конечно, внесу, за этим дело не станет. Но как быть с другим: ведь подходит уже пора экзаменов? В каком порядке, когда и где придется их сдавать? Запрашиваю об этом техникум.

Июнь 1953 года. Все нет ответа, и никаких заданий нет. Вижу, пришла пора экзаменов в техникумах, волнуюсь, как бы опять у меня не пропал год. Снова напоминаю о себе телеграммой. И вдруг приходит ответ за подписью директора техникума А. И. Кистанова:

«Причине невыполнения учебного плана переводным экзаменам не допускается».

Не часто встретишь такое бездушие, какое проявила дирекция Иркутского техникума. Но заочников у нас много, и я пишу это письмо в надежде, что мой случай обратит на себя внимание руководителей заочных учебных заведений и вызовет «чувства добрые» в их душе. Заочная чехарда, из-за которой я потерял два года учебы, не должна повториться — ни в Иркутском финансовом техникуме, ни в каком-либо другом.

И. СУХАНОВ

СРЕТЕНСК,
Читинская область

Ваш пропуск!

На страницах «Литературной газеты» мне хотелось бы поставить вопрос об улучшении порядка обслуживания посетителей в тех учреждениях, для входа в которые требуются пропуска. Думается, не следует пренебрегать ни одной мерой, способствующей решению общей важной задачи — приближению всех звеньев государственного аппарата к массам, лучшему обслуживанию нужд трудящихся.

Сошлюсь на факты, знакомые мне, как москвичу. В учреждения столицы ежедневно обращаются по служебным и личным делам тысячи посетителей. К сожалению, не всегда удается попасть в эти учреждения. Чтобы получить пропуск даже в установленные дни и часы приема, нужно потратить немало времени.

Вот, например, как оформляются пропуска в Главэлектросбыте. Приемные дни — два раза в неделю: понедельник и четверг с 14 до 17 часов. Казалось бы, в эти дни и часы можно свободно проходить в здание Главэлектросбыта и обращаться к нужным работникам.

Но, увы, дело обстоит не так просто. Чтобы пройти в здание даже в указанные дни и часы, нужно накануне заказать пропуск по телефону, явиться в день приема в бюро пропусков и выстоять здесь в очереди минимум 30—40 минут. В крохотной, душной комнатушке, где выдаются пропуска, всегда многолюдно. Бюро обслуживает, кроме Главэлектросбыта, еще и Главуглесбыт и ряд других управлений, находящихся в том же здании, и поэтому здесь постоянная толчея, шум.

Бывает, судьба над вами посмеется, и окажется, что то ли какой-то работник забыл заказать для вас пропуск, то ли допущена ошибка в фамилии или инициалах. И тогда приходится все начинать сначала: звонить по телефону, отыскивать нужного работника, добиваться исправления ошибки. На эту операцию уходит еще 30—40 минут. Если же пропуск не заказан накануне, то беда! Пока найдешь по телефону нужного работника, пока договоришься с ним о пропуске, пока бюро выпишет пропуск, проходит часа два.

Спрашивается, сколько же драгоценного рабочего времени ежедневно растрачивается во всех этих бюро пропусков в Москве?

Конечно, нельзя забывать о бдительности. Но нередко система пропусков применяется без действительной необходимости и служит ненужным барьером между учреждением и посетителями, которых оно призвано обслуживать.

Почему, например, в Главстекло на улице Кирова можно пройти без пропуска, а в Главмолоко на Кузнецком мосту нужен пропуск? Зачем во многих учреждениях установлены дни и часы приема посетителей, если порядок входа в эти учреждения одинаков и в приемные и в неприемные дни? Почему так сложна система выписки пропусков?

Не следует ли подумать над упразднением иных ненужных бюро пропусков и над упрощением и упорядочением работы других? Это даст серьезную экономию средств и времени.

Ф. ЛИСЯНСКИЙ,
начальник отдела снабжения строительства Московского молочного комбината

Телефонные столбы...

Летом прошлого года на улицах Тулы можно было увидеть объявления, призывающие жителей города устанавливать у себя дома телефоны:

«Пользуйтесь услугами Тульской городской телефонной сети!»

Преподаватель педагогического института Иван Панфилович Ходебко подал заявление по установленной форме. Вскоре он получил извещение, что просьба его будет рассмотрена после пуска в эксплуатацию телефонной станции в Рогожинском поселке. Затем, когда Рогожинская АТС была торжественно открыта, тов. Ходебко вызвали в управление телефонной сети и попросили внести аванс в размере 150 рублей. Взамен ему вручили квитанцию за номером 797, а также выписали наряд на выполнение заказа нового абонента...

На квартиру тов. Ходебко явился монтер. Он присел на табурет, закурил и завел разговор о том, как нелегко установить на квартире телефон.

— Наряд — это что! Это совсем ничего! Впрочем, если хорошенько подумать...

Но тов. Ходебко почему-то хорошенько не подумал. То ли потому, что не догадался, то ли по какой другой причине. Только монтер более не появлялся...

Супруги Ходебко ходили к телефонному начальству, просили поторопиться с выполнением заказа.

И вот недавно их притязаниям был положен решительный конец. Тов. Ходебко получил письмо следующего содержания:

«Тульская Городская Телефонная сеть сообщает, что для установки телефона на Вашей квартире требуется следующий материал:

1. Проволоки оцинкованной 2-мм — 18 кг.
2. Столбов длиною 8,5 м — 1 шт.
3. Столбов для подпор длиною 6,5— 1 шт.,

которыми Городская Телефонная сеть не располагает. При условии представления указанных материалов телефон может быть установлен.

И. о. начальника ГТС ДИКО».

Преподаватель тов. Ходебко обошел весь город, но оцинкованной проволоки не нашел. Наконец, кто-то сжалился над ним и сказал, что проволока не продается, а распределяется городским телефонным станциям по нарядам Министерства связи.

После этого тов. Ходебко возвратили денежный аванс. Таким образом его расчеты с телефонной станцией были окончены.

Но с тех пор у туляков появилось опасение, как бы тов. Дико не назначили на пост и. о. начальника городского телеграфа. Вдруг он потребует по телеграфному столбу за каждую телеграмму?

Н. КИРЬЯНОВ

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЙ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«ТОЛЬКО НЕ ДЛЯ НЕРВНЫХ»

Под таким заголовком 21 июля была опубликована в нашей газете «рецензия» на лезвия «Ладога», выпускаемые Ленинградским заводом металлоизделий.

Управление местной и топливной промышленности Ленинградского горисполкома сообщило редакции, что критика в адрес завода, выпускающего плохие лезвия «Ладога», признана правильной. На директора завода тов. Соболева и главного инженера тов. Кнауб наложено строгое административное взыскание.

Заметка «Только не для нервных» обсуждена на заседании партийного бюро завода металлоизделий и на расширенном техническом совещании.

Новые стихи

Сергей НАРОВЧАТОВ

Скучное лето

Я спросил вчера у Оли:
— Как идут твои дела,
Как ты, брат, на вольной воле
Это лето провела?

Дочь зевнула равнодушно:
— Ну, какой еще рассказ,
Просто, папа, очень скучно
Было в лагере у нас.

Никуда без разрешенья!
А ведь что ни говори,
Мне давно уж от рожденья
Все двенадцать, а не три!..

Вот я снова в нашем доме,
Лето было и прошло...
Что о нем я вспомню, кроме
Набежавших трех кило?..

И припомнил я порядки
Незапамятной поры:
Сами ставили палатки,
Сами ладили костры.

Каждый в нашем поколенье
Эту песенку певал:
«Тот не знает наслажденья,
Кто картошки не едал».

Нас без спроса солнце грело,
Без разбора дождь хлестал,
И — неслыханное дело —
Хоть бы раз кто захворал!

И чернели, и тощали...
Но к концу веселых дней
Мы здоровьем удивляли
Многоопытных врачей.

Вот что вспомнил я... И вскоре
Давний лагерный режим
Разобрали в разговоре
Мы с товарищем своим.

Начинал я с ним ученье,
С ним кончал десятый класс,
В Министерстве просвещенья
Он работает сейчас.

— Что ж! Зовешь опять в палатки?..—
Он сказал, погладив плешь. —
Ты давнишние порядки
Иде-а-ли-зи-ру-ешь!

Я ответил: — Ты немножко
Передергиваешь, брат,
Наша песня про картошку
Удивит сейчас ребят.

И пускай они по праву
Занимают те дворцы,
Что построили на славу
Детворе своей отцы.

Нет, палаток мне не жалко,
Ведь в другом вопроса гвоздь:
Где смекалка? Где закалка?
Где само-сто-я-тель-ность?!!

Разговор с дочкой

Ты во всем мне веришь свято,
И меня спросила ты:
— Это правда, что когда-то
У людей росли хвосты?

Я сказал, пожав плечами:
— Как не правда! И сейчас
С настоящими хвостами
Люди ходят среди нас.

С дядей Петей мы на свете
Поклялись дружить навек,
Был когда-то дядя Петя
Человек, как человек.

Но лишь вырос он до чина,
Раззнакомился со мной,
Распустил, как у павлина,
Хвост и пышный, и цветной.

Все ж пословицу немножко
Надо помнить и ему,
Что приветят по одежке,
А проводят по уму.

Верткий хвост у дяди Коли,
Не в пример хвостам другим,
Он в исканьях лучшей доли
Всюду пользуется им.

Он со скромниками — скромник,
А где надо, парень-хват,
У него во всех приемных
Все дела идут на лад.

Смог ему свою сноровку
Старый пес наш передать —
Убедительно и ловко
Обучив хвостом вилять.

Был и я когда-то, дочка,
Предоволен сам собой,
Жил на свете в одиночку,
Хвост, как флаг, подняв трубой.

Но друзья не позабыли
Про меня в такой момент
И, сойдясь, укоротили
Раза в три мой рудимент.

Я ходил мрачнее тучи,
Но потом пропала злость,
И теперь намного лучше
Мне живется, чем жилось.

Поняла? Ну и отлично!
Хоть, наверно, скажет мать,
Что, мол, не педагогично
Так с тобою рассуждать.

Правда есть в упреке строгом,
Но я знаю, как мне быть,
Чтоб умелым педагогом
В общем мнении прослыть.

Я скажу: — Прощаясь с летом,
Ты и часу не теряй,
После лета по предметам
Ты «хвостов» не получай.

У тебя ж ума — палата!
И мне, право, очень жаль,
Что немного скучновата
Эта мудрая мораль.

ИЗ ПОСЛЕДНЕЙ ПОЧТЫ

ГРУБАЯ НЕБРЕЖНОСТЬ

Читателям трех последних номеров украинской «Літературної газети» пришлось познакомиться с выразительными образцами безответственного отношения редакции к своей работе. 20 августа в заметке «Вот это «мастерство»!» газета незаслуженно обвинила одного из киевских журналистов в неэтичном поступке. А в следующем номере, от 27 августа, «Літературна газета» вынуждена была признать, что эта заметка была напечатана без элементарной проверки материала, лишь на основании случайных разговоров с какими-то сотрудниками одного из киевских журналов (фамилии редакция не сочла нужным назвать), и оказалась явно клеветнической.

Печатая это опровержение, редакция «Літературної газети» в том же номере от 27 августа допустила не менее грубую ошибку. В статье К. Млинченко и И. Олейника «Неопубликованные радиокомментарии Я. Галана» газета порадовала читателей сообщением, что якобы недавно был отыскан неизвестный фельетон Ярослава Галана «Школа холуев», и тут же опубликовала этот фельетон. Оказалось, что авторы статьи (а вместе с ними и редакция «Літературної газети») продемонстрировали лишь свою неосведомленность. Этот фельетон Я. Галана под заглавием «Психотехника» был напечатан еще... в 1943 году в журнале «Перець» (№ 19).

Об этой ошибке редакция предпочла умолчать, не дав в следующем номере от 3 сентября никакой поправки.

В этом же номере от 3 сентября «Літературна газета» вновь продемонстрировала свою небрежность. В информационной заметке «Пленум Советского Комитета защиты мира», опубликованной на первой полосе, после фразы, говорящей о выступлении докладчика на пленуме, напечатаны строки из материала на местные литературные темы: об издании первого тома истории украинской литературы.

Эти факты свидетельствуют о безответственности в работе редакции украинской «Літературної газети» (главный редактор А. Хижняк).

В МАЛЕНЬКИХ ГОРОДАХ

На берегу Татарского пролива

Поезд вышел из Южно-Сахалинска вскоре после заката солнца и долго поднимался на крутой перевал Западного хребта.

В полночь мы были уже на уровне снежных заносов, у самого гребня перевала, а на рассвете прибыли в город Чехов.

Имя писателя, путешествовавшего по Сахалину в 1890 году, присвоено городу, в котором он не бывал. Но многое здесь, на берегу Татарского пролива, заставляет вспомнить его слова о том, что неизбежно наступит время, когда богатства сахалинской земли и морей, омывающих ее, обеспечат, как он писал, «сытое и довольное существование целого миллиона людей».

Город Чехов по числу жителей далеко не на первом месте среди сахалинских городов. Несколько тысяч человек поселились на берегу Татарского пролива осенью 1945 года, когда Южный Сахалин был освобожден от японских захватчиков. Сюда приехали астраханские рыбаки, курские и тамбовские хлеборобы, рабочие-бумажники.

Все, что они увидели, все, что осталось от пребывания японцев, несло на себе следы хищнического использования природных богатств острова. На берегу пролива, под деревянным навесом, стояли котлы — в них варили рыбу, превращали сельдь и треску в удобрительный тук. Рыбные промыслы ничем не отличались от городских строений — фанерных домишек, отдаленно напоминающих человеческое жилье. Они были сколочены на скорую руку, для рабочих; владельцы рыбных промыслов не рассчитывали прожить здесь до конца своих дней и спешили извлечь побольше прибыли из всего, что досталось им нечестным путем.

Советским людям пришлось заново строить рыбные заводы, и сейчас вдоль берега стоят здания засолочных и консервных цехов, таких же, какие созданы и на материке — на промыслах Каспия, Мурманска или Приморья. Надо было как можно скорее заменить все временное, чуждое, непривычное своим — постоянным, прочным, и это началось со строительства новых домов.

Пожалуй, нигде в другом месте новый дом не доставляет такого удовольствия законному хозяину, как здесь, в этом городе, населенном рыбаками, рабочими рыбных промыслов, лесорубами, людьми самых различных профессий. Они вернулись сюда через сто лет после того, как Геннадий Иванович Невельской поднял русский флаг, закрепив за своей родиной остров, открытый и впервые исследованный русскими мореплавателями.

К берегам Татарского пролива вернулись достойные потомки открывателей новых земель. Познакомимся с одним из них. На Центральной улице, в первом этаже дома, в комнате, разделенной на несколько клетушек, помещается химическая лаборатория сахалинского отделения одного из научно-исследовательских геологоразведочных институтов. Вместе с рыбаками, лесорубами и шахтерами сюда приехали люди науки; ленинградец Николай Николаевич Юрганов привез с собой новейшее оборудование для химического исследования горных пород и грунтовых вод.

Вот уже шестой год живет и работает Юрганов в сахалинском городке. Большую часть дня он проводит в своей каюте — иначе не назовешь его лабораторию. Несмотря на то, что ему перевалило за пятьдесят, Николай Николаевич часто отправляется с экспедицией разведчиков в дальний путь.

Солнце уже опускается над проливом, когда Юрганов выходит на улицу. На углу Центральной и Школьной стоит грузовая машина, в ее кузове — стволы деревьев с влажной «материнской» землей на корневищах. Позабыв о своих пробирках, ученый помогает лесничему высаживать молодые тополя. Это — первые деревья на улицах Чехова, и депутат районного Совета Юрганов, глядя на них, испытывает сейчас чувство большого удовлетворения. Он опускает в яму, вырытую на краю тротуара, деревцо с гладкой, светлозеленой корой. Тополек выпрямляется, трепещет на ветру его листва. Юрганов спрашивает:

— Приживется на новом месте?

— А чего же, корневище не повредили, значит, приживется, — отвечает лесничий, снимая с кузова еще одно деревцо.

Окрепнут, пустят корни деревья, которые заботливо высаживаются на улицах города. Приживутся они на новом месте так же, как прижились в этом городке люди, приехавшие с материка. Они высадились на берегу Татарского пролива, привыкшие ко всему, что связано с понятием советского образа жизни. И кандидат наук Юрганов, и шкипер рыболовецкого сейнера Алексей Кириллович Ковеньков, и заведующая районной библиотекой Екатерина Александровна Налетова — все они люди глубоко творческие.

Юрганов все время, свободное от научных занятий, отдает общественной работе, печется о благоустройстве города Чехова, о прокладке нового водопровода. Шкипер Ковеньков, выгрузив из сейнера очередной улов, спешит на заседание Чеховского исполкома, чтобы отстоять свое предложение — открыть в городе два новых продовольственных магазина. Налетова не могла примириться с тем, что районная библиотека с ее пятнадцатью тысячами книг имела лишь пять передвижек, добилась организации еще десяти, и теперь книгоноши бывают в окрестных колхозах, рыбачьих поселках, у лесорубов и бумажников. Заместитель председателя райисполкома Федор Петрович Власенко с живым интересом ждет начала репетиции спектакля драматического кружка клуба бумажного комбината. Сегодня «Свадьба с приданым» репетируется в декорациях, исполнители будут в гриме, в костюмах. Как ни старались они провести генеральную репетицию без зрителей, все же в зал «просочилось» порядочно незваных гостей.

В эти же часы в чеховском Доме культуры заканчивается оформление своеобразной выставки. По стенам зрительного зала бережно развешаны вышивки — портреты Горького, Маяковского, пышные букеты лилий, хризантем, тюльпанов, искусно вышитые гладью, обычным и болгарским крестом. Искусные руки любовно вышили на шелку портреты Ленина и Сталина. На видном месте в зале, из которого убрали стулья,— обеденный стол, покрытый красивой кружевной скатертью ручной работы. В углу — кровать под белоснежным, в тонких узорах, покрывалом.

Нам довелось увидеть не только посетителей выставки,— их было в первый день более пятисот человек,— но и многих авторов произведений, собранных в зале Дома культуры. Ревниво следили они за тем, какое впечатление производят их работы. В областной газете вскоре была напечатана заметка о выставке. Высокой похвалы удостоились «Розы в корзине» заведующей читальным залом Меркун, «Букет цветов» весовщицы рыбного завода Радченко, портрет Маяковского, мастерски исполненный врачом поликлиники Вороницыной, и портрет Горького, вышитый домохозяйкой Степашкиной.

Город Чехов недавно нанесен на карту СССР. Местные жители с радостью приняли весть о том, что в облисполкоме утвержден генеральный план реконструкции города. Депутаты райсовета и коллективы промышленных предприятий обсуждали этот план, заглядывая в будущее города. Единодушно решено в ближайшие десять-пятнадцать лет переместить город Чехов на более удобное место — в живописный «распадок», как называют на Дальнем Востоке ложбину между двумя склонами сопок. Оттуда течет к проливу речка Чеховка, вдоль ее берегов решено протянуть новые улицы, построить дома, школы, клубы, магазины. В «распадок» не проникают свирепые восточные ветры, воздух там напоен ароматом цветущих лугов.

— Новый город Чехов будет очень красивым,—убежденно говорит Федор Петрович Власенко.—На центральной площади мы поставим памятник писателю. Он мечтал о красивой жизни на нашей земле... Пусть смотрит на город, которому дано его имя, и любуется вот такими домами...

За окном комнаты, где мы знакомимся с архитектурным будущим города, плещет вода о скалистый утес, упругий ветер срывает с гребней белую пену. Тяжелые облака столпились над морем. Наступил час прилива, скрылась под водой песчаная полоса побережья, по которой только что, возвращаясь с рыбокомбината, мы проезжали в «Победе». В полумиле от берега видны поплавки ставного невода. Большие стеклянные шары, обтянутые веревками, раскачиваются на волне. Из гавани выходит катер, ведя на буксире два деревянных баркаса, которые называют здесь кунгасами. Встречная волна подбрасывает катер, захлестывает кунгасы, но караван тем не менее движется вперед. Люди вычерпывают воду, и видно, как они то наклоняются, исчезая из поля зрения, то выпрямляются, выплескивая за борт полные ведра. Катер подняло на гребень волны, обнажился бешено вертящийся винт, а в следующее мгновенье суденышко зарылось носом в воду, и мне показалось, что оно повертывает назад. Но там стоят на вахте упрямые люди. Они не повернули к берегу. Караван удаляется, направляясь к ставному неводу.

Ветер ревет вовсю, начинается шторм. Мы уже не в состоянии продолжать разговор о проекте генеральной реконструкции города: невозможно оторвать взгляд от окна. Ныряя в волнах, катер подошел к поплавкам. Люди наклоняются над бурлящей водой, хватаются за трос, на котором держится невод, и уже без помощи катера подтягивают кунгасы к «ловушке». И вот переброшен через борт кунгаса сетчатый мешок, полный рыбы, потом и второе судно принимает часть улова.

Смелые рыбаки освоились с самым неспокойным на земном шаре проливом. Берег, на котором стоит город Чехов, стал для них родным. Они поселились здесь надолго, навсегда. И со временем бронзовый Чехов будет любоваться с высокого постамента широкими улицами в тополях и лиственницах, просторными площадями, светлыми фасадами домов, жизнью людей, которые продолжают славное дело, начатое отважными мореплавателями в середине прошлого столетия у этих дальних берегов России.

И. ОСИПОВ,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

о. САХАЛИН

В НЕСКОЛЬКО СТРОК

ИЗ ХРОНИКИ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

* **Выставка китайского искусства.** В гор. Ломоносове, Ленинградской области, устроена постоянная выставка китайского прикладного и декоративного искусства. За три месяца ее посетило около 30 тысяч человек. В последнее время из бывшего «Китайского театра» в городе Пушкине на выставку привезена уникальная коллекция лаков. Выставке переданы также фарфоровые изделия из китайской галереи Гатчинского дворца.

* **Строительство новых клубов.** В Харькове состоялось совещание, посвященное строительству клубов в колхозах. В селах области сейчас 620 сельских и 740 колхозных клубов, 38 домов культуры. Строится еще 55 клубов. Новые дома культуры начали работать в Лозовском и Балаклейском районах, клубы — в колхозах Красноградского, Изюмского, Валковского и других районах области.

* **Для студентов.** Сдано в эксплуатацию новое четырехэтажное общежитие для студентов Тартуского государственного университета. На всех этажах оборудованы учебные комнаты, газифицированные кухни, столовые. Специальный зал предназначен для библиотеки. На территории, прилегающей к общежитию, устраиваются спортивные площадки.

* **Юбилей учителя.** Общественность Рыбновского района, Рязанской области, отметила пятидесятилетие педагогической работы учителя П. Евтеева. Ко дню юбилея он получил сотни поздравительных писем и телеграмм. Правительство высоко оценило труд П. Евтеева, которому присвоено звание Заслуженного учителя РСФСР. Он награжден орденом Ленина.

Иллюстрации художника Ф. Глебова к книге М. Пришвина «Весна света», подготовленной к печати издательством «Молодая гвардия»

ХАРАКТЕРЫ И СХЕМЫ

В старом театре существовало строго определенное разделение актеров по их «амплуа», то есть по характеру их сценического использования: первый любовник, благородный отец, комик, резонер, злодей, характерная старуха и т. п. Такое разделение сковывало силы актера, вырабатывало в его игре стандартность сценических приемов, жестов и интонаций, заставляло его всегда, вне зависимости от роли, повторять на сцене самого себя. Большие актеры прошлого, как правило, успешно преодолевали узкие рамки своего амплуа и всегда стремились к максимальному проникновению в психологические особенности роли, стремились к яркому, своеобразному и конкретному воплощению характера того персонажа, образ которого они создавали на сцене. В практике советского театра амплуа актера играет все меньшую и меньшую роль.

С понятием «амплуа», однако, мы продолжаем довольно часто сталкиваться в художественной литературе, где встречается одно чрезвычайно своеобразное и довольно распространенное явление — писатель часто говорит нам о своих героях: «стахановец», «директор», «парторг», то есть просто называет должность или общественное положение человека и считает, что это равнозначно созданию полноценного художественного образа. В этом случае писатель как бы полагает, что все черты подобного образа (директора, стахановца, парторга) **уже определились,** и поэтому назвать должность героя — это уже значит сообщить о нем целый комплекс установившихся, строго определенных данных.

Возьмем, к примеру, амплуа «стахановец».

Вот молодой рабочий, стахановец Костя Харитонов из романа Сергея Болдырева «Решающие годы» («Октябрь», №№ 6 и 7 за 1953 год). Чем отличается он по своему характеру от молодого навалоотбойщика Василия Смыслова из романа Г. Молостнова «Голубые огни» («Октябрь», №№ 4 и 5 за 1953 год)? Только тем, что первый из них работает горновым у домны, а второй — шахтер. У обоих — одинаковое «амплуа», одинаковая роль в произведении. Даже наружность у них почти одинакова — у Кости «жесткие светлые волосы... упрямо спадали на лоб. Держался Костя прямо, ступал прочно». А Василий, «сильный плечистый... заложив руки за спину, твердо стоял на ногах. На упрямый лоб падала прядь темных волос». Кстати, можно вспомнить, что эта «упрямая прядь» (вариант: «прядь волос, спадающая на упрямый лоб») — непременный и притом нередко единственный отличительный признак «стахановца вообще» в десятках наших книг...

И говорят они оба, и Костя и Василий, стереотипными, невыразительными, лишенными всякого своеобразия, общими, дидактическими фразами. Костя: «Образование мне не мешает, а помогает... Не для легкой жизни я в десятом классе вечерней школы учусь», «Сыновей обязательно доменщиками выращу, уж будьте спокойны!», «Я в следующем году — в вечерний институт... Это уж твердо». Смыслов: «Машина не только облегчает труд, — она вызывает у молодежи интерес к нему», «Мы обещаем овладеть передовой техникой угледобычи, а старички пусть помогут нам, передадут свой опыт...» и т. д.

Люди разных профессий, оба говорят как будто о разных вещах, но они безлики, и в их безликости, в отсутствии индивидуальности — их одинаковость. Они одинаковы не потому, что у них схожие характеры, а потому, что у них вообще нет характеров...

Раскрытие индивидуализированных характеров героев, то есть столкновение различных умонастроений, темпераментов, психических и этических свойств, таким образом, заменяется пересказом событий или сообщением сведений биографического порядка.

Всякий писатель понимает, конечно, что его герой — инженер-новатор, к примеру, должен чем-то отличаться от всех других инженеров-новаторов, уже изображенных другими писателями. Но лепить живой характер — дело трудное и кропотливое. Гораздо проще пойти по другому, внешнему пути «оживления» образа — дать своему герою в качестве отличительного признака несчастную семейную жизнь или же наградить его тяжелой болезнью, или — неземной любовью к какой-нибудь «лесовичке»... Глядишь — именно этими признаками твой герой и запомнится читателю!

Какое это, в конечном счете, примитивное решение задачи!

Чувствуется, что многие, особенно молодые, писатели боятся отойти, «оторваться» от некоего обжитого шаблона, от абстрактного, схематического представления о некоем «среднем стахановце», «среднем парторге» и т. п. В этом, безусловно, сказывается неверное понимание соотношения между типическим и индивидуальным, непонимание того, что подлинное искусство всегда конкретно, а «среднестатистическое» — это мертвая абстракция.

Если писатель, лепя свои образы, начинает подменять **конкретные, индивидуальные черты** своих героев чертами, общими **всем нашим людям,** то неизбежно остается лишь **минимум** конкретных признаков. Так рождаются однообразные, во-первых, и очень несложные, скудные, бедные, во-вторых, образы стахановцев, парторгов и других героев в произведениях многих наших писателей — образы скучные, серые, заурядные и невыразительные. Так возникает гибельная для искусства «обезличка» характеров.

Русская классическая литература учит нас изображать богатство и многообразие человеческих типов.

Среди образов, созданных Чеховым, мы найдем, наверно, несколько десятков земских врачей. Но посмотрите, какие все они разные и как в то же время типичен каждый из них.

Андрей Болконский и Пьер Безухов — оба в изображении Толстого были самыми передовыми людьми своего времени. Во многом они — единомышленники (не умри Андрей, он был бы вместе с Пьером среди тех передовых людей, из которых вышли впоследствии декабристы). А какие это вместе с тем разные, во многом даже противоположные друг другу характеры! Как по-разному они воспринимают одно и то же явление, как различен их душевный строй, как различно они мыслят, чувствуют, любят, страдают и радуются!

Разве люди сейчас не стали более разнообразными, более яркими и сложными, чем они были во времена Толстого и Чехова?

Неумение, а подчас и прямое нежелание изображать психологические, нравственные и другие различия при создании литературных образов бесконечно обедняют и самые эти образы и степень их воздействия на сознание и воображение читателя.

Роман Сергея Болдырева «Решающие годы», судя по дате, проставленной в его конце, писался в течение четырех лет. Очевидно, в свое первое большое произведение писатель вложил немало труда, раздумий, мук и сомнений. Чувствуется горячая, искренняя заинтересованность автора своей темой. И все же — на всем печать спешки, небрежности, какая-то «приблизительность». Это проявляется и в мелочах — в том, например, что мальчик, сын парторга Руденко, на 64-й странице 6-го номера «Октября» названный «шестилетним Вовкой», на 99-й странице того же номера превращается в семилетнего Юрика; в том, что инженер Григорьев, о котором на 7-й странице 6-го номера ясно сказано, что в 1931 году у него не только не было детей, но он и вообще еще не был женат, в 1948 году оказывается отцом взрослого сына — студента института (страница 17-я того же 6-го номера); в том, наконец, что время действия романа приурочено к 1948 году, а никаких конкретных «примет времени» в романе нет, и описанное в нем с таким же успехом могло происходить и в 1953 году...

Все это как будто бы мелочи, но мелочи характерные потому, что такая спешка и «приблизительность» сказываются и в самом главном — в отсутствии индивидуализации характеров героев, в невнимании к психологическим отличиям людей.

Даже в границах одного романа Болдырева собраны одинаковые образы, одинаковые «амплуа», отличающиеся друг от друга только внешними, несущественными признаками. Таковы, например, все «девичьи» образы романа «Решающие годы», начиная с героини романа Светланы Павловны и кончая образом практикантки — студентки Нины. Все это — просто «средние» девушки, которых можно отличить друг от друга только благодаря тому, что Светлана, например, педагог и влюблена в человека вдвое старше себя, Маруся — оператор прокатного стана и любит инженера Тамаркина, студентка Аня — «черненькая» и выходит замуж за Костю Харитонова, а студентка Нина — «беленькая» и переписывается с инженером Серединым...

По тому же принципу созданы и многие мужские образы романа — инженер Середин, инженер Тамаркин, парторг Руденко. Все они совершенно одинаковые люди, если не считать того, что Середин поволжски «окает», Тамаркин увлекается живописью, а парторг Руденко вообще никаких индивидуальных примет не имеет и, кроме произнесения длинных и восторженных монологов о необходимости помогать людям, ничего в романе не делает...

Характер человека — это отнюдь не случайный, а **строго закономерный сплав** определенных социальных, психологических и нравственных черт. Искусственные, произвольные комбинации здесь недопустимы. Простое, прямолинейное перечисление нравственных и психических качеств человека тоже не создает характера.

Вот, например, большой рассказ Дмитрия Острова, напечатанный в пятом номере «Нового мира» за этот год, как будто бы целиком посвящен задаче живописания одного человеческого характера; об этом и заглавие его говорит: «Тетя Оля». Образ героини рассказа не может не привлечь к себе симпатии. Мы подробно знакомимся с биографией тети Оли, узнаем, что она рано овдовела, осталась одинокой, во время войны ездила на паровозе кочегаром, была ранена, удочерила девочку-сиротку, сейчас она — стара и больна, ходить по домам железнодорожников с «книгой вызовов» подмышкой ей уже трудно. Нелегкая судьба этой женщины вызывает наше сочувствие...

И в то же время **характера** тети Оли, того, что отличает ее от великого множества других добрых, хороших, честных немолодых русских женщин, мы не чувствуем.

Может быть, характер героини рассказа недостаточно проявляется потому, что ей в произведении, по существу, ни с кем и ни с чем не приходится бороться (кроме ее недуга, и «противников»-то у тети Оли никаких нет; все окружающие ее люди — и железнодорожники, и старый, влюбленный в тетю Олю сторож, и больничный доктор — люди тоже хорошие, заботливые, трудолюбивые, добрые).

А ведь характер проявляется во взаимоотношениях человека с **разными** людьми... Он проявляется не просто в наличии отдельных черт, а **в своеобразии сочетания** этих черт, в том своеобразии, которое находит выражение во всем — и в типе мышления и чувствования, и в наружности, и в манере человека держать себя, и в его жестах, и в его речах, и в его поступках.

С этой точки зрения один из образов, созданных Болдыревым в его романе «Решающие годы», кажется нам верным действительности, значительным — это образ мастера Дериглазова, человека суетливого, беспорядочного и малокультурного. Дериглазов упрям и заносчив, но эти качества объясняются его неуверенностью в себе, в своих силах и в своих знаниях. И в то же время в этом растрепанном, ершистом, самолюбивом человеке есть и хорошие задатки. Заставьте его учиться, заразите его хорошим примером, обнажите перед ним его несостоятельность, — и он распрямится, обретет уверенность в себе, проявит присущие его натуре талантливость, смелость, задор...

В каждом человеке есть свой «задор»! Одинаковых, лишенных индивидуальности людей нет.

Суметь обнажить в человеке его «задор», его «изюминку», его неповторимо-конкретный облик — какая это благородная и благодарная задача для писателя!

Когда же все герои произведения «приведены к общему знаменателю», такое произведение напоминает собою немыслимый оркестр, состоящий из одинаковых инструментов, исполняющих одну и ту же музыкальную партию... От такой музыки, понятно, — ни толку, ни радости.

Наша страна сильна и богата своими людьми — множеством талантов, разнообразием и яркостью человеческих индивидуальностей. Схематическое изображение людей не дает возможности отразить богатство и многообразие нашей жизни.

И. ПИТЛЯР

Новые книги

Ветлугин И. На переднем крае. Стихи. Новосибирское книжное издательство. 127 стр. Цена 3 руб. 45 коп.

Вирта Н. Одиночество. Роман. Гослитиздат. 228 стр. Цена 5 руб.

Воскрекасенко С. Стихи. Авторизованный перевод с украинского. «Советский писатель». 104 стр. Цена 2 руб. 5 коп.

Гончар О. Повести и рассказы. Авторизованный перевод с украинского Л. Шапиро. «Молодая гвардия». 407 стр. Цена 7 руб. 60 коп.

Горбатов Б. Избранное. Гослитиздат. 568 стр. Цена 10 руб.

Гулиа Д. Избранные произведения. Перевод с абхазского. Гослитиздат. 416 стр. Цена 7 руб. 65 коп.

Ефремов И. Путешествие Бауржеда. Повесть. «Молодая гвардия». 136 стр. Цена 2 руб. 75 коп.

Знаменская Г. Анна Зегерс. Издательство «Знание». 40 стр. Цена 45 коп.

Колотилов Н. Простор. Повесть в стихах. Ярославское книжное издательство. 68 стр. Цена 2 руб. 85 коп.

Крапива К. Избранные драмы. Авторизованный перевод с белорусского. Гослитиздат. 355 стр. Цена 6 руб. 85 коп.

Ларин М. Украина — России сестра. Стихотворения. Киев. «Радянський письменник». 116 стр. Цена 2 руб. 45 коп.

Мусоргский М. Избранные письма. Государственное музыкальное издательство. 239 стр. Цена 6 руб. 75 коп.

Паперный З. О мастерстве Маяковского. «Советский писатель». 352 стр. Цена 7 р. 70 к.

Тельканов С. Слово к друзьям. Стихи. Хабаровское книжное издательство. 136 стр. Цена 2 руб. 60 коп.

Упит А. Тени былого. Роман. Перевод с латышского Я. Шумана и М. Заламан. Рига. Латвийское государственное издательство. 244 стр. Цена 6 руб. 30 коп.

Чандар К. Когда пробудились поля. Повесть. Перевод с урду В. Крашенинникова. (Библиотека «Огонек»). Издательство «Правда». 56 стр. Цена 70 коп.

Югов А. Свет над Волгой. Роман. «Советский писатель». 215 стр. Цена 4 руб. 10 коп.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

ОГОНЕК ТАЛАНТА

В последней книжке альманаха «Литературный Воронеж» (№ 1, 1953) обращает на себя внимание небольшая повесть **Н. Коноплина «Огни».** В ней рассказано о девушке-аспирантке Евгении Павловне.

Пребывание героини на опытном поле и пример ученого-новатора Орлова помогли ей понять недостатки в своей работе и отказаться от помощи профессора Красикова — «кабинетного» ученого, который был руководителем ее диссертации. Увлечение героини творческим размахом Орлова сопровождается и ее любовью к самому Орлову. Однако любовь остается безответной, так как у Орлова есть невеста.

В развитии сюжета, в той легкости, с какою автор распределяет лавры и тернии между своими героями, видно стремление во что бы то ни стало, хотя бы путем шаблонного решения, добиться полного благополучия. И это огорчительно. Огорчительно потому, что в повести «Огни» греет и светит огонек литературного таланта.

Начиная с первой страницы, со сцены в полуосвещенном вагоне, в которой хорошо передана зыбкость, неуверенность, недоговоренность, свойственные отношениям Евгении Павловны и влюбленного в нее Красикова, по крайней мере две трети повести читаешь с живым интересом. Читаешь с интересом потому, что рассказ ведется от первого лица в мягких, лирических интонациях; язык ясный, образный; радует умение автора одной деталью вызвать зримое впечатление, например, изображение пламенеющего поля поспевающего проса или машин в ночной степи, переключающих при встрече свет фар и как бы добродушно подмигивающих друг другу. Конечно, можно найти немало недостатков и в манере рассказа (героиня иногда выглядит несколько старомодной в своих чувствах), и в том, что автор склонен выдавать за оригинальную мысль героя какой-нибудь трюизм (вроде: «В быстром движении есть что-то увлекательное, бодрое и зовущее»), и в языке. Но совершенно очевидно, что автор обладает даром рассказывать не скучно, а увлекательно, картинно, с огоньком.

И поэтому особенно жаль, что решение основного конфликта он изобразил с недопустимой легкостью.

Если Красиков изображен с известной глубиной и сложностью, если это фигура несомненно живая, то Орлов выступает этаким безоговорочным удачником, который легко осуществляет любой свой замысел: выводит и гибрид березы, и новый сорт пшеницы. Орлов побеждает не потому, что автор убедил нас в его правоте, а просто потому, что практику-новатору побеждать полагается.

В споре, происходящем между героями повести, позиция автора, сочувствующего новатору, несомненно, правильная. Но правота Орлова в повести художественно не доказана. Не веришь ни в ту легкость, с которой Орлов осуществляет свои начинания, ни в особую плодотворность достигнутых им результатов. Автору так и не удается убедить нас в том, что его Орлов — талантливый новатор, а Красиков — не только консерватор, но и полная бездарность, фальшивый человек, чуть ли не враг, как оценивают его в конце повести Орлов и Евгения Павловна. Надуманной и неубедительной выглядит последняя треть повести, где с невероятной быстротой развенчивается Красиков и где героиня, вдохновленная примером Орлова, сама начинает давать колхозникам мудрые советы на основе кратких и поверхностных наблюдений.

Автор как бы испугался той реальной, жизненной сложности, которая возникала из создавшихся между героями отношений, из логики развития их характеров. Он своей властью объявил Красикова чернокнижником и прохвостом, а Орлова — рыцарем науки без страха и упрека. Проявив самостоятельность в деталях, в выборе и расстановке фигур, автор в развитии действия пошел путем испытанной и уже неоднократно обыгранной схемы.

А. МАКАРОВ

БЕЗМЯТЕЖНАЯ ИДИЛЛИЯ

Если передать своими словами сюжет рассказа **Владлена Кагарлицкого «Редактор Блажко»,** напечатанного в № 13 альманаха «Год тридцать шестой», то можно подумать, что речь идет о событиях и явлениях значительных, о людях интересных и типичных. Горком партии снимает с работы плохого, нерешительного и бездарного редактора газеты и назначает на его место талантливого молодого журналиста Блажко. С его приходом освежается атмосфера в редакции. Блажко выдвигает на работу молодых, жаждущих полезной деятельности людей. Он увольняет заведомого карьериста, направляет на учебу талантливого, но зарвавшегося юношу, добивается разоблачения и отстранения от работы корреспондента республиканской газеты Хомченко, который стал обывателем и бездельником. Из вялой и перестраховочной газета становится боевой и целеустремленной. Она остро ставит вопросы, насущные для жизни города, ей удается поправить директора крупнейшего завода, депутата Верховного Совета и лауреата Сталинской премии Травкина, начинающего забывать о нуждах населения.

Чего, казалось бы, лучше! Все в этом произведении есть: и актуальная тема, и конфликты, и борьба, и победа положительных героев, и даже вопросы быта, любви, семьи.

Однако все у В. Кагарлицкого есть и ничего нет, ибо нет главного для художественного произведения: ясного взгляда на жизнь и художественного мастерства. В. Кагарлицкий, безусловно, знает условия работы в газете, и когда он берется описывать частности (например, метранпажа за работой), то читатель чувствует, что автор видел и знает эту частность. Но когда автор переходит к обобщениям, когда ему надо изобразить не отдельный момент, а процесс (например, процесс перевоспитания лихого репортера Кружкова), он оказывается бессильным, ибо не располагает ни продуманным и прочувствованным отношением к своему материалу, ни сколько-нибудь удовлетворительными художественными средствами для его воплощения.

Все в рассказе В. Кагарлицкого совершается с невероятной легкостью: и разоблачение безнадежно отрицательных персонажей, и перестройка подающих надежды, и преуспеяние передовых. Вот совершивший безобразный проступок, за который его хотят снять с работы, Гриша Кружков после одного разговора с добрым редактором Блажко и одного упрека любимой, но не любящей его девушки перестраивается. И вот как говорит об этом автор:

«Гриша притих. Он стал меньше смеяться и шутить. Блажко несколько раз справлялся о его университетских делах. Кружков успешно сдал несколько экзаменов и зачетов и числился теперь на третьем курсе». Особенным достижением вступившего на стезю добродетели Кружкова автор, видимо, считает то обстоятельство, что Гриша, бывший раньше своевольным до наглости, ныне стал послушным до трусости. Когда его посылали на задание, «еще не дав согласия, он спрашивал:

— А с редактором согласовано?»

Победы даются положительным героям Кагарлицкого, что называется, даром. Редактор Блажко, вопреки предостережениям перестраховщиков, помещает в газете фельетон о том, что заводская железнодорожная ветка, пересекающая город, должна быть снята и переброшена в другое место. Взбешенный директор завода Травкин приезжает в горком требовать наказания редактора, но секретарь горкома в воспитательных целях его не принимает. Травкин возвращается на завод, и тут звонок министра, поручающего Травкину освоить производство новой марки стали, внезапно разрешает завязавшийся было конфликт. Обрадованный этим звонком, Травкин неожиданно для читателя «...соединился по телефону со своим заместителем:

— Чтобы в понедельник у меня на столе лежал проект переброски ветки. Ясно? Не хочу слушать. В понедельник. Все».

Вот и все.

Так же легко разрешается и «конфликт» Блажко с Хомченко. Прочитав в газете направленную против него статью, Хомченко загорелся было жаждой мести, но «тут же он подумал, что надо садиться за статью, добывать факты, уличать, опровергать... А как же дача? Жинка ждет, мебель, кастрюли, этот проклятый керосин! Остаться здесь? А кто ему приготовит обед? Все упаковано и уже на машине, не сгружать же обратно? Поеду...

И Хомченко снова повеселел, даже улыбнулся».

Не менее легко дается Блажко победа и в любви. Девушку, которую он отметил с первого взгляда и в буквальном смысле слова за одни только прекрасные глаза назначил заведующей отделом писем, просто напросто бросается к нему в воду с лодки, на которой каталась со своим поклонником! А несколько позже секретарь горкома благословляет их брак.

Таким образом, заявив в начале повествования тему борьбы за смелость и принципиальность, В. Кагарлицкий написал безмятежную идиллию о безоблачном торжестве приятной добродетели.

З. КЕДРИНА

ДЕНЬ В СТЕПИ

В повести **«Степная глушь» Маргариты Мигуновой** (Симферополь. 1952. 63 стр.) рассказывается об одном дне, проведенном в степи городской девушкой, студенткой Леной Сорокиной, приехавшей вместе с подругами в колхоз на уборочную.

Повесть начинается с того, что Лена однажды услышала в поезде чей-то очень знакомый голос. Где она его слышала? «И тут же один день прошлого лета,— говорит автор, — встал у нее перед глазами...» «И узнала она за один этот день так много, как не узнала бы в другой раз, пожалуй, за целый месяц».

Значит, этот день, прожитый Леной и так подробно запомнившийся ей, был, несомненно, днем **выдающимся,** полным больших, волнующих событий, и с Леной в этот день непременно что-нибудь случилось. Как много случается, предположим, с мальчиком за один только день в чудесном «Степном солнце» П. Павленко! Как много узнают автор и его друзья в «Потерянном дне» К. Паустовского! И это потому, что люди здесь показаны в действии, в движении, в развитии; события, беспрестанно сменяясь, все более обогащают, раскрывают героя. Но почему же именно этот, а не другой какой-нибудь день запомнился Лене? Что с нею произошло в этот день?

С Леной ничего не происходит. В колхозе она встречается с бригадиром, штурвальным, комбайнером, мальчишками, колхозницей Верой; они долго все говорят о жизни, о работе, мечтают. Это очень хорошо, что все мечтают, каждый по-своему хочет представить себе будущее, но плохо, что все содержание повести ограничивается разговорами. Потому и не чувствуешь характера действующих лиц — комбайнера, штурвального, мальчишек, да отчасти и самой Лены: они представлены читателю только в разговорах, а не в поступках. Если бы в повести были события, даже если бы Лена, оставаясь пассивной наблюдательницей, видела поступки своих новых знакомых — колхозников, а не только слушала их рассуждения, повесть стала бы стройнее, интереснее, приобрела бы упругость, которой ей недостает, а главное — насколько богаче, красивее стали бы герои, покажи их М. Мигунова в действии!..

Лишними оказались в произведении начало и конец (встреча в поезде с одним из прошлогодних собеседников), написанные явно для занимательности. Занимательность эта нарочитая, надуманная.

Есть и хорошее в книге «Степная глушь».

Удались молодому автору описания степи, неба, знойного полдня, вечернего покоя. «Лена улыбнулась, устроилась поудобнее, подложив под голову руку, и принялась смотреть в степь. Все кругом тоже словно улыбалось ей счастливой, немножко усталой улыбкой. Солнце теперь не заливало все, как утром, ровным, ярким светом, а искоса, из-за спустившегося над горизонтом облака, разбросало по степи свои широкие, длинные лучи; они, огромные, пересекли всю степь, светлыми полосами легли на отдаленные холмы, а на одном из них, что поближе, желтым пламенем зажгли одинокое могучее дерево, так что оно вдруг ясно стало видно все, снизу доверху, до последнего листочка». Для описания заката в степи М. Мигунова нашла сочные краски, простые и ясные слова. Такие страницы говорят о наблюдательности автора. И искренне хочется пожелать М. Мигуновой больших успехов.

Борис ЗУБАВИН

ДВА ПОЧЕРКА

С детства зачитывается описаниями путешествий Борис Никитин, ленинградский комсомолец, главный герой повести **А. Шарова «Путешествие продолжается...»** (альманах «Год тридцать пятый», кн. 11, вторая книга 1952 г.). Тяга к приключениям, свойственная подростку, постепенно перерастает в глубокий интерес к науке, увлечение школьника — в мечту ученого. Проходит год, два, и юноша совершает серьезное научное открытие: расшифрованы и прочитаны письмена народа далекого тихоокеанского острова Рапануи. Доказано, что на острове существовала древняя культура.

Борис видит актуальность своей «древней» темы: изучая события прошлого, опровергая домыслы буржуазных ученых-колонизаторов, отрицавших самобытность культуры народа Рапануи, он ведет не схоластическую, академическую полемику.

Оттого-то и загорелся Борис своим делом. И тому, что он действительно загорелся, веришь. Дневники путешествий, которые юноша читает, и письмена, смысл которых он разгадывает, становятся для него свидетельством живой жизни. Часто одна-две строчки дневников вырастают в его сознании в картины из жизни русских путешественников, из истории маленького народа. Картины эти естественно входят в сюжет повести, расширяют ее содержание. И хотя произведение не богато событиями, его действие развивается в острых противоречиях; в повести сталкиваются идеи передовых и реакционных ученых.

Война, вторгающаяся в жизнь молодого героя, еще более подчеркивает актуальность научных изысканий Бориса.

Талантливый юноша-ученый, вернувший человечеству остатки древней культуры народа Рапануи, которую пытались уничтожить «цивилизованные» европейские колонизаторы, теперь идет на фронт, чтобы с оружием в руках отстоять от фашистского варварства великую культуру своего народа.

А. Шаров внимателен ко всему, что касается отношения человека к книге, к науке. Повесть увлекает, пока герой размышляет о науке, спорит о ней, отстаивает свои убеждения.

Совершенно иное впечатление оставляют главы, которые выводят Бориса за пределы библиотеки или музея. Перестав соприкасаться с наукой, Борис и его друзья словно меркнут. В годы войны они, например, ведут коллективный дневник. И их записи в этой тетради и они сами начинают удручающе походить друг на друга. «Было заседание бюро, — пишет Борис, уходя в армию. — Обсуждали вопрос о расширении детплощадки... Потом говорили о подготовке к новому учебному году». И дальше нанизываются одна на другую столь же поверхностные, протокольные информации.

Упоминания о любви Бориса ничего не добавляют к его образу. С Зорей, девушкой, которую он полюбил, Борис то оживленно говорит о своей научной работе, то читает ей стихи народа Рапануи. Но очень уж **«академична»** такая любовь! Она не только связана с наукой, она прикована к науке: Борис и Зоря начинают походить на чету пожилых, суховатых доцентов. А каждому из них и шестнадцати-то не исполнилось! Ведь обычно, полюбив в шестнадцать лет, вспоминают стихи более современные, пишут свои собственные, каковы бы они ни были.

Портрет в художественном произведении — не всякое описание внешности, а лишь такое, которое воспроизводит живой облик героя. Портреты же у А. Шарова нередко сбиваются на простые информации. Узнаешь, что у Бориса «густые брови» и «карие зрачки», а у Зори — «утолщающиеся к переносице красиво изогнутые брови»... Но эти детали еще не создают выразительного портрета.

А. Шаров противоречит себе. Он ратует за вторжение науки в жизнь, жизни — в науку. Отстаивая единство науки и жизни, поэтично и увлекательно раскрывает он мир научных интересов своего героя. И в то же время Борис по воле писателя нередко оказывается отрешенным от жизни, из живого человека он превращается в человека «не от мира сего». Увлекательные страницы о настойчивых исканиях юного ученого чередуются с невыразительной скороговоркой там, где герой показан за пределами его научных интересов. Это лишает повесть о молодом исследователе цельности. Словно два автора работали над ней, словно написана она двумя разными почерками

В. ТУРБИН

ЛЯПСУС

Русский барич прожил всю свою жизнь в Париже и сделался французским шалопаем. Лишь однажды он приехал на короткое время в Россию, глянул мельком на ее поля и луга и поспешил воротиться во Францию. Там он состряпал для французских читателей анекдотически-вздорную книгу о нравах и обычаях «русского края». Рисуя сатирический образ отщепенца, Некрасов в своей известной сатире «Отрывки из путевых записок графа Гаранского» приводит его отзыв о русской природе:

> Какие реки здесь!
> Какие здесь леса! Пейзаж природы
> русской
> Со временем собьет, я вам ручаюсь, спесь
> С природы реинской, но только
> не с французской!

Такая похвала оскорбительнее всякой хулы, но чего же и ждать от хлыща, именующего себя «de Garansky»!

Каково же было мое удивление, когда в одном из только что переизданных школьных учебников мне довелось прочитать, будто эта нагловатая сентенция о русской природе выражает взгляды не парижского хлыща, а... Некрасова! В учебнике так прямо и сказано:

«Сравнивая неизъяснимую, полную своеобразной прелести красоту русского пейзажа с яркими красками пейзажа Запада, Некрасов (?!) восклицает...»

И дальше следуют вышеприведенные стихотворные строки.

Вы скажете: это описка. Но вглядитесь, и вам станет ясно, что здесь нарочитое искажение текста. Чтобы выдать пренебрежительное замечание заезжего фата за патриотически-восторженный возглас Некрасова, учебник очень ловко препарировал некрасовский текст: цитата не доведена до конца, от четвертой строки отрублена последняя фраза. Злая сатира Некрасова превращена в дифирамб.

Таким образом, школьникам предлагается двойная неправда: 1) Некрасову приписаны слова одного из отрицательных его персонажей; 2) в урезанной цитате выражается мысль, прямо противоположная той, какая выражена в подлинном тексте.

Кому нужна такая фальсификация цитат? Разве у Некрасова мало стихов, восторженно изображающих родную природу?

Я отмечаю этот ляпсус с большим огорчением, так как книга, о которой я говорю,— толковая, дельная, нужная. Называется она так: **«Русская литература. Учебник для 9 класса средней школы»** (Учпедгиз. 1953).

Тираж этой книги — миллион триста тысяч, и мне очень хотелось бы, чтобы миллион триста тысяч школьников взяли миллион триста тысяч карандашей и вычеркнули из своих учебников миллион триста тысяч неправд, повторяющихся в каждом экземпляре на странице 246-й.

Заодно они могут прихватить и страницу 240-ю, зачеркнуть на ней слово «Декабристки» и написать вместо него «Русские женщины», так как уже окончательно дознано, что знаменитая поэма Некрасова носит именно такое заглавие.

Корней ЧУКОВСКИЙ

МЕТОДАМИ ТЕРРОРА И ШАНТАЖА

Как клика Аденауэра действовала на парламентских выборах

Д. МЕЛЬНИКОВ

В Бонне официально объявлены результаты парламентских выборов, происходивших 6 сентября. Как уже сообщалось, партия Аденауэра—«Христианско-демократический союз» — получила 244 места из 487. Социал-демократическая партия получила 150 депутатских мест, увеличив число своих депутатов в бундестаге на 19 человек по сравнению с 1949 годом.

Такое распределение мандатов в новом бундестаге является прежде всего результатом «американизированного» проведения парламентских выборов. Эти выборы отличались особенно беззастенчивым и грубым нажимом на избирателей и самой широкой фальсификацией голосования. К тому же партия Аденауэра использовала жульнический избирательный закон, который дал боннскому канцлеру возможность украсть мандаты у не угодных ему партий. Как известно, по этому «закону» партии, не набравшие 5 процентов голосов и не блокировавшиеся с другими партиями, лишались мест в бундестаге. Так, Коммунистическая партия по числу поданных за нее голосов должна была быть представлена в бундестаге 12 мандатами. Но благодаря жульнической избирательной системе коммунисты не получили законного представительства.

Вряд ли можно найти в истории буржуазного парламентаризма более яркий пример грубейшего применения самых неприкрытых форм давления на избирателей, чем те, какие были использованы американо-боннской реакцией во время выборов в бундестаг 6 сентября. Милитаристская группировка, властвующая в Бонне, воспользовалась богатым «опытом» своих гитлеровских предшественников, а последние были «мастерами» проведения выборов по заранее составленным шпаргалкам.

Правители аденауэровского «четвертого рейха» всячески поощряли создание множества неофашистских террористических организаций, насчитывающих в своих рядах сотни тысяч членов. В основном эти организации состоят из бывших штурмовиков, эсэсовских молодчиков, накопивших богатейший «опыт» расправы с демократическими слоями населения.

Вот некоторые данные о составе и численности этого аппарата, который с полным правом может быть назван аппаратом подавления и извращения воли избирателей. Среди западногерманских террористических организаций важную роль играет так называемый «Союз немецких солдат», насчитывающий около 80 000 членов. Фашистские главари возродили пресловутый «Стальной шлем», объединяющий 135 000 членов. Активно действуют также «Союз возвратившихся на родину бывших военнопленных и членов семей лиц, пропавших без вести» (около 200 000 человек), «Организация бывших военнослужащих Африканского корпуса» (около 20 000 человек), «Киффхойзербунд» — организация бывших гитлеровских офицеров (20 000 человек), фашистский «Союз немецкой молодежи» (20 000 человек) и т. д. К этому надо еще добавить полицейские силы боннского правительства, которые достигают, по сведениям западногерманской газеты «Франкфуртер альгемайне цейтунг», свыше 130 000 человек.

Таков организованный «костяк» террористического аппарата Западной Германии. Однако приведенные данные далеко еще не полностью характеризуют засилие фашистов в боннском рейхе. Общеизвестно, что западные державы не провели в Западной Германии предусмотренную Потсдамским соглашением денацификацию общественной и политической жизни. Напротив, оккупационные власти в Западной Германии всемерно содействовали возрождению фашизма и выдвижению крупнейших гитлеровских военных преступников на ключевые позиции.

Как раз накануне выборов оккупационные власти западных держав и правительство Аденауэра специально позаботились о том, чтобы фашистские преступники, совершившие тягчайшие военные преступления, были выпущены из тюрем. Незадолго до выборов были раскрыты тюремные ворота перед гитлеровским военным преступником Фалькенхорстом, который в свое время был приговорен к смертной казни английским военным судом, перед гитлеровским палачом Иозефом Франком и другими гитлеровцами.

Во время подготовки выборов и особенно в день голосования вся эта фашистская свора была брошена против избирателей. Перед ней была поставлена задача: помешать Коммунистической партии Германии и другим, в том числе и буржуазным организациям, выступающим за мир и мирное объединение Германии, довести свою программу до широких народных масс. Именно этой цели, а также задаче прямого запугивания избирателей и служили методы террора и гонений.

Так было, например, в местечке Рейне 8 августа, когда банда фашистских молодчиков напала на предвыборный митинг Коммунистической партии и тяжело ранила председателя земельной организации КПГ Иозефа Ледвон и секретаря окружной организации Кюльгена. Так было в Вольфенбюттеле, где фашисты вместе с полицейскими устроили буквально «охоту» за участниками демократического предвыборного митинга. Так было и во многих других местах...

Даже реакционная печать западных стран вынуждена была отметить террористические приемы аденауэровских властей и их пособников. Так, шведская газета «Стокгольмс тиднинген» писала, например, что «наиболее примечательной чертой предвыборной кампании в Западной Германии является агрессивность Аденауэра...»

Следует отметить, что американские оккупационные власти оказали аденауэровцам и самую активную помощь в проведении террористических мер накануне и в день выборов. Так, молодчики из «Союза немецкой молодежи», организовавшие в ночь на 6 сентября поджоги витрин газеты социал-демократической партии «Социалистише фольксцейтунг», разъезжали в автофургоне американской армейской газеты «Старс энд страйпс». В ряде районов Западной Германии, например, в Южном Гессене, на перекрестках дорог—явно с целью устрашения населения — были выставлены отряды американских солдат.

К этому физическому террору следует добавить и террор идеологический. Весь пропагандистский аппарат Бонна был мобилизован для «идеологической обработки» населения накануне выборов. Не проходило дня, чтобы Аденауэр не выступал с очередной демагогической речью, с очередным дутым предвыборным обещанием, с очередными измышлениями по адресу прогрессивных сил. От своего «патрона» не отставали и другие главари боннской клики.

Официальные круги США пошли на прямое вмешательство во внутригерманские дела. Был оказан прямой нажим на западногерманских избирателей. Государственный секретарь США Даллес заявил накануне выборов, что устранение Аденауэра будто бы вызовет в Западной Германии «хаос» и может якобы привести к «пагубным последствиям» для нее. Эти слова Даллеса были широко использованы аденауэровской пропагандой для того, чтобы усилить запугивание западногерманского населения россказнями о «катастрофических последствиях», грозящих Западной Германии, которая в случае поражения Аденауэра будет неизбежно лишена американской экономической «помощи» и другой «поддержки» США.

В организации идеологического террора, направленного против западногерманского населения, активное участие принимали и деятели католической церкви. В южных и юго-западных районах боннского рейха, где среди населения католики преобладают, католическое духовенство широко применяло метод запугивания верующих различного рода угрозами, если они не будут голосовать за Аденауэра.

Таким образом, накануне выборов в бундестаг вся международная реакция объединилась для того, чтобы удержать у власти Аденауэра. Что касается правящих кругов США, то американская пропаганда без обиняков заявляла, что Вашингтон никого, кроме Аденауэра, признавать не собирается... Оценивая эту позицию американской дипломатии, французская газета «Комба» писала 4 сентября: «Соединенные Штаты уже проголосовали за Аденауэра... Сегодня Америка определенно делает ставку на Аденауэра».

В Англии небезызвестный реакционер лорд Ванситтарт 1 сентября опубликовал в газете «Дейли скетч» статью, в которой писал: «Наша единственная надежда — это Аденауэр».

Понятно, что в подобной обстановке не приходится говорить о каком-либо «свободном волеизъявлении» населения Западной Германии во время выборов 6 сентября. И если реакционная пропаганда западных стран осмеливается выступать с подобными заявлениями, то их можно воспринимать лишь как насмешку, как издевательство над здравым смыслом и интересами немецкого народа. Но что за дело иностранным империалистам и их боннским сообщникам до интересов народа Германии!

Выборы в бундестаг показали, что нет такого подлого приема, который бы не использовали Аденауэр и его приспешники, чтобы достигнуть своей цели — удержаться у власти и проводить и в дальнейшем политику ремилитаризации Западной Германии, превращение ее в главный плацдарм агрессивного Атлантического блока, в опасный очаг новой войны в Европе.

В этих условиях от всех, кто выступал против милитаристской и реваншистской программы Аденауэра, требовалась величайшая сплоченность, чтобы дать отпор правящей клике Бонна. Надо сказать, однако, что руководство социал-демократической партии отклонило все предложения об установлении единства действий рабочего класса, с которыми выступала Коммунистическая партия Германии. Тем самым был сохранен пагубный для демократических сил немецкого народа раскол рабочего класса перед лицом объединенного натиска международной реакции и сил германского реваншизма и милитаризма. Исторический опыт Германии показывает, что подобный раскол всегда имел самые тяжелые последствия для германского народа.

Коммунистическая партия Германии вела последовательную борьбу за справедливое, демократическое разрешение всех насущных национальных проблем германского народа, за создание единой, демократической и миролюбивой Германии. Однако возможности предвыборной пропаганды компартии были крайне ограничены, ибо именно против коммунистов прежде всего был сосредоточен весь огонь террористического аппарата, вся ярость атак международной и западногерманской реакции.

Фальсифицированные выборы в Западной Германии еще раз показали, к каким пагубным последствиям приводит политика поощрения реваншистов, проводимая западными державами. Эта политика способствует превращению Западной Германии в очаг агрессии и войны.

Боннские заправилы в пылу полемики во время предвыборной кампании выболтали немало своих затаенных агрессивных замыслов, представляющих серьезную угрозу для всех европейских народов и для самого немецкого народа. Так, Аденауэр в своем пресловутом «обращении» к населению Германской Демократической Республики недвусмысленно заявил, что намерен использовать так называемое «европейское оборонительное сообщество» для того, чтобы организовать агрессивные действия против ГДР. Ближайший сообщник Аденауэра — Теодор Бланк подчеркивал, что предоставление свободы реваншистским элементам в Западной Германии позволит «в случае необходимости силой добиваться» осуществления авантюристических целей боннской клики, маскируемых болтовней о «свободных общегерманских выборах». Открыто превозносили в своих предвыборных речах «политику силы», то есть политику агрессии и войны, известный реваншист боннский министр Зеебом, председатель бундестага Элерс и другие.

Как показали результаты выборов, тлетворное влияние векового милитаристского и реваншистского воспитания немецких граждан не изжито в определенной части западногерманского населения. Эти люди, отдавшие свои голоса Аденауэру и его партии, все еще находятся в плену фальшивой пропаганды своих злейших врагов — милитаристов. Для них барабанный бой и звуки военных фанфар не ассоциируются еще с бесконечными рядами безымянных могил, с неизбежностью военных действий. Эти люди не понимают, что включение Западной Германии в «европейскую армию», в агрессивный Атлантический блок сделает невозможным объединение Германии. Однако сам ход событий неминуемо откроет им глаза на то, что путь, на который толкает их Аденауэр,— это путь войны, путь, ведущий к новой национальной катастрофе.

Результаты выборов в Западной Германии показывают, что для немецкого народа и для соседей Германии возникла серьезная угроза. Увеличилась опасность превращения Западной Германии в милитаристское государство, в военный плацдарм агрессивных сил. Перед лицом усиления происков реваншистов и милитаристов Западной Германии неизмеримо возрастает роль и ответственность патриотических сил Германии. Эти силы ни на минуту не ослабляют борьбы против наступления реваншистских и фашистских элементов, борьбы за единство Германии, за мир.

Выборы в западногерманский парламент проходили в обстановке полицейских репрессий против населения и грубого нажима на избирателей. Террористические методы боннской клики хорошо известны. О них дает представление и фотоснимок, который мы здесь помещаем: полиция зверски расправляется с трудящимися Западного Берлина, протестующими против политики Аденауэра.

Снимок из английской газеты «Дейли уоркер»

ИНТЕРВЬЮ С г-ном ФОНСЕКА, ИЛИ КАК ОСКАНДАЛИЛСЯ АМЕРИКАНСКИЙ ЖУРНАЛ

Снимок из американского журнала «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт».

На этом фотоснимке — сцена в шанхайском порту: китайский рис готовят для погрузки на пароход, который отвезет его на остров Цейлон. Обратным рейсом пароход доставит в Шанхай каучук для развивающейся китайской промышленности.

Как известно, в декабре прошлого года между Цейлоном и Китаем было заключено взаимовыгодное торговое соглашение. США пытались и до сих пор пытаются всячески воспрепятствовать китайско-цейлонской торговле. Они не брезгают никакими средствами, чтобы заставить Цейлон подчиниться американскому диктату. Так, например, Соединенные Штаты перестали продавать Цейлону серу, которая используется для борьбы с вредителями каучуконосов. Когда Цейлон захотел купить в Америке геликоптер, то оказалось: США разрешают продажу лишь при условии, что он не будет применяться для борьбы с вредителями каучуковых деревьев, хотя как раз для этого его и хотели приобрести.

Были пущены в ход и другие средства. Американские пропагандисты, к примеру, пытались распространять ложь о том, будто экспорт риса на остров Цейлон наносит ущерб продовольственному снабжению населения Китая. Должно быть, именно с этой целью член редакционного совета американского журнала «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» встретился не так давно с цейлонским посланником в Бирме Фонсека, который в свое время ездил в Пекин и вел переговоры о заключении торгового соглашения. Увы, попытки американского журналиста доказать недоказуемое не увенчались успехом — опубликованное в журнале интервью свидетельствует об этом со всей очевидностью.

Американский интервьюер начал с упреков по адресу Цейлона, не желающего, дескать, поддерживать «сотрудничество с антикоммунистическим миром». Однако в ответ Фонсека заявил:

«Мы давали Соединенным Штатам возможность покупать наш каучук, но нам сказали, что мы должны продавать его Соединенным Штатам в убыток. Мы рады тому, что на рынке нашелся другой покупатель. Это создает свободную конкуренцию, а вы ведь сторонники свободной конкуренции!».

Этот ответ вызвал у интервьюера неожиданную реакцию, и представитель американского журнала в лоб задал вопрос:

«— Вы коммунист, мистер Фонсека?

— Я не только не коммунист, я антикоммунист».

После этого ответа интервью стало похоже на «допрос с пристрастием» в стиле сенатора Маккарти и его подручных по «охоте за ведьмами». Но чем больше допрашивал американец, тем больше конфуза получалось для него самого:

«— Вы ездили в коммунистический Китай дважды, не правда ли, мистер Фонсека?

— Да. Первый раз я ездил на предварительные переговоры, происходившие с середины сентября до середины октября, а второй раз провел в Китае месяц, с конца ноября до конца декабря прошлого года.

— И оба раза вас хорошо встретили?

— Даже американских миллионеров не могли бы там лучше встретить.

— Были ли вы когда-нибудь в Америке?

— Нет».

Видно, что ответы Фонсека не нравятся американцу. Он повторяет еще раз вопрос, который уже задавал. Но ответ все тот же:

«— Хорошо ли с вами обращались во время вашего пребывания в Пекине?

— С нами очень хорошо, исключительно хорошо обращались. Китайцы были очень любезны с нами, и что бы мы ни попросили, нам ни в чем не было отказа. Мы могли ездить куда нам хотелось и когда нам хотелось».

Кажется, все ясно. Но американский журналист не унимается:

«— А как насчет патриотических пожертвований, «добровольных взносов» на нужды партии, на нужды Кореи и тому подобного? Не ведет ли все это к повышению взимаемых с крестьян поставок риса?

— В газетах, конечно, были подобные сообщения. Но мы лично убедились, что крестьяне уплачивают в виде налога только незначительный процент своего урожая риса.

— Действительно ли вы убедились, что в Китае много риса, мистер Фонсека? Многие экономисты удивляются, что Китай, который до прихода к власти коммунистов всегда испытывал недостаток в рисе, теперь может экспортировать рис в обмен на цейлонский каучук. Не забирают ли рис в районах, где его недостаточно для потребления самих китайских крестьян, для того, чтобы отправлять этот рис на Цейлон?

— По нашим наблюдениям, в Китае достаточно продовольствия. Продуктов полно и в магазинах, и на городских рынках. Экономисты, о которых вы говорите, удивляются потому, что они все еще думают о старом Китае. В нынешнем Китае политика низких налогов с крестьянства, устранение крупных феодалов и прекращение внутренних войн создали возможность для огромного роста производства. Согласившись продавать нам рис, Китай сделал это не в ущерб собственному населению. В прошлом году Китай поставил свыше 200 тысяч тонн риса Индии и Цейлону и еще больше хлебных злаков Индии.

— Вы не думаете, что в Китае могут быть некоторые районы, где риса не хватает и население голодает,— может быть, не в Пекине, а в других районах?

— У меня нет оснований так думать. Я не видел никаких доказательств этого. Я видел всюду обилие продовольствия, которое можно было бы послать в нуждающиеся районы, если бы таковые были.

— Вы думаете, что китайский народ сплочен вокруг своего правительства?

— Да, он сплочен вокруг правительства Мао Цзэ-дуна».

Как видим, несмотря на все старания, американский журналист так и не добился от Фонсека подтверждения своих вымыслов и ушел не солоно хлебавши...

У писателей Кореи

В. ТОЛСТИКОВ

...Обогнув склоны скалистого хребта, машина спустилась в живописную долину, окаймленную со всех сторон причудливыми горами, поросшими каштанами. Слева между сопок блеснуло озеро. Правее, среди зелени фруктовых деревьев, мы увидели домики, в которых живут деятели литературы и искусства Корейской Народно-Демократической Республики.

Тепло и радушно встретил нас писатель и общественный деятель Хан Сер Я. Его плодотворная и многогранная деятельность хорошо известна советским людям. Свою литературную работу Хан Сер Я сочетает с руководством Ассоциацией работников литературы и искусства Кореи. Он член Всемирного Совета Мира и возглавляет Всекорейский комитет защиты мира.

Мы попросили Хан Сер Я рассказать о своей творческой работе, поделиться планами на будущее.

— Еще несколько лет назад,— сказал он,— я решил написать большой роман «История» — о героической борьбе корейских партизан во главе с Ким Ир Сеном против японских колонизаторов. Первый том романа опубликован в этом году. Сейчас я подбираю и изучаю документы и материалы для второго тома.

Хан Сер Я работает также над романом, посвященным участию рабочего класса Северной Кореи в борьбе с американскими интервентами, пишет рассказы.

— Наши писатели и поэты,— говорит Хан Сер Я,— создали за годы войны немало хороших и нужных произведений. Но им предстоит сделать еще больше. Мы должны претворить в жизнь обращенные к нам слова товарища Ким Ир Сена, который говорил:

«Вместе со всем корейским народом я верю, что вы пойдете вперед, выступив перед родиной и своим народом, перед всеми народами мира с великими произведениями искусства и передадите нашим поколениям прекрасную немеркнущую память о нашей славной эпохе».

— Сейчас, когда наш народ одержал великую победу,— сказал в заключение Хан Сер Я,— корейские писатели будут стремиться своим творчеством духовно закрепить ее в сознании людей, глубоко раскрыть источники силы и героизма наших людей. Мы хотим, чтобы в наших произведениях звучал пафос возрождения городов и деревень, заводов, фабрик, школ, всего народного хозяйства. Мне хотелось бы отметить огромную помощь, которую оказывают нам советские деятели литературы и читатели своими советами и критическими замечаниями о произведениях корейских литераторов, изданных в Советском Союзе.

Потом мы встретились с председателем правления Корейского общества культурной связи с Советским Союзом, писателем Ли Ги Енем.

— Во время моего пребывания в Москве в марте прошлого года,— рассказывает Ли Ги Ен,— я имел возможность выступить перед микрофоном московского радио. Я поделился своим планом написать трилогию, посвященную жизни корейских крестьян на протяжении последних пятидесяти лет. Первая книга — «Туманган», недавно законченная, охватывает события от русско-японской войны до аннексии Кореи японцами в 1910 году. Герой этой книги — крестьянин Пак Кем Сон, герой второй книги трилогии — его сын и третьей — внук.

В «Тумангане» Ли Ги Ен рассказывает о бедственном положении корейского крестьянства в прошлом, рисует картину нищеты и бесправия населения, постоянно находившегося на грани голодной смерти.

Вторая книга — «Рассвет» будет посвящена периоду японской тирании в Корее с 1910 года до освобождения Кореи войсками Советской Армии в августе 1945 года. На примере жизни одной корейской семьи писатель покажет, каким пагубным и трагическим было для Кореи японское владычество. В этой книге, которую писатель намерен закончить к концу года, будет отражена всенародная борьба корейских патриотов против японских колонизаторов.

Герой третьей книги — активный участник партизанского движения в Корее, а впоследствии, в наши дни,— боевой командир корейской Народной армии, боровшейся против американских оккупантов и лисынмановской клики.

— Сейчас наш народ,— говорит Ли Ги Ен, — приступил к грандиозным восстановительным работам. Я хочу написать повесть о героике труда и самоотверженности сынов и дочерей Кореи, поднимающих из пепла и руин свою прекрасную страну. Этой же теме я посвящаю публицистические статьи для наших газет. Большие и почетные задачи встают теперь перед руководителями Корейского общества культурной связи с Советским Союзом. Чтобы помочь нашим славным строителям, нужно еще шире вести пропаганду успехов мирного строительства в Советском Союзе, передавать неисчерпаемый, ценнейший опыт советского народа в послевоенном восстановлении страны.

Хан Сер Я и Ли Ги Ен принадлежат к старейшему поколению корейских писателей. Свой творческий путь они начали еще в двадцатые годы.

Поэт Пяк Ин Дюн, который также поделился с нами своими творческими планами,— представитель молодого поколения писателей. Он — ученик выдающегося корейского поэта Тё Ги Чена, трагически погибшего в июле 1951 года.

Перу Пяк Ин Дюна принадлежат такие широко известные в Корее стихи, как «Красней от стыда, Америка!», «Парад войск Уолл-стрита», «Голос простого народа», «Вернись!» и многие другие. Воспевая дружбу народов, поэт пишет:

Сотни народов, сливаясь
в поток величавый,
Дружбу и мир и любовь
воспевают, как гимн.
Дружба пылает огнем
на Конгрессе Варшавы,
Песни о мире звучат, заполняя Берлин.

Сейчас Пяк Ин Дюн готовит к изданию сборник стихов — «Голос простого народа», в который войдут двадцать пять лучших произведений поэта.

— Я старательно изучаю творчество и творческий метод талантливейшего советского поэта Владимира Маяковского,— говорит Пяк Ин Дюн.— Его стихотворение «Прозаседавшиеся» побудило меня написать стихи «Дисциплина». На вечере, посвященном шестидесятилетию со дня рождения поэта, я прочитал свое стихотворение «В. Маяковский». Работаю также над циклом стихотворений, в которых мне хочется выразить счастье и радость корейского народа, приступающего к мирному, созидательному труду и мечтающего сделать свою родину еще прекраснее, чем до войны.

Поделились своими творческими планами на ближайшее будущее и поэты Мин Бен Гюн и Ким Те Гю. В дни войны они длительное время были военными корреспондентами на фронте. Поэты хорошо знают думы и переживания корейского солдата. Много времени провели они и среди тружеников тыла — рабочих, крестьян, интеллигенции. Отсюда — та искренность и глубина, которые характерны для творчества Мин Бен Гюна и Ким Те Гю.

«Равнина Орери» — так называется поэма Мин Бен Гюна, в которой он нарисовал образ Героя Труда КНДР крестьянки Ю Ман Ок — прославленного мастера высоких урожаев.

Сейчас Мин Бен Гюн заканчивает поэму «Песнь о Корее», над которой работал в течение двух лет. Она посвящена корейской молодежи. Герой поэмы Чан Мен — страстный борец за счастье, свободу и независимость корейского народа. Он родился в бедной семье, юношей был мобилизован в японский морской флот. Вскоре Чан Мен бежал в Китай, где вступил в Китайскую Народно-Освободительную армию. После освобождения Кореи Советской Армией Чан Мен возвращается на родину и становится активным строителем новой жизни в северной части страны. Но вот начинается освободительная война корейского народа против американских интервентов и лисынмановских бандитов. Чан Мен — командир корейской Народной армии. На освобожденной территории Южной Кореи Чан Мен случайно встречает любимую девушку — Хан Сун. Судьба, однако, разлучает его с любимой, которая остается на юге для того, чтобы в партизанском отряде продолжать борьбу против оккупантов.

— В заключение поэмы,— говорит Мин Бен Гюн,— я выражаю твердую уверенность в том, что Чан Мен вновь встретится с Хан Сун, вся Корея станет свободной, Север и Юг объединятся в едином, независимом, демократическом государстве.

В ближайшее время начну работать над поэмой «Город-герой», посвященной нашей столице — Пхеньяну.

Среди произведений, написанных поэтом Ким Те Гю, есть и торжественные стихи, и острая сатира, и лирика.

О своей творческой работе и планах на будущее Ким Те Гю говорит:

— Сейчас я поглощен подготовкой к изданию сборника «Под звездами Кремля», состоящего из трех разделов. Первый посвящен моим впечатлениям от поездки в Советский Союз, который я имел счастье посетить в конце прошлого года. Мне хочется рассказать о восхищении и внимании, с которыми советские люди следили за героической борьбой нашего народа. Второй раздел сборника посвящается Венскому Конгрессу народов в защиту мира, в работе которого я принимал участие. Последний раздел будет включать стихи, разоблачающие врагов мира и дружбы между народами.

После подписания перемирия я начал работать над поэмой, рассказывающей о борьбе нашего народа на Севере и Юге Кореи за единство родины.

***

Вместе со своим народом, в едином строю с ним боролись корейские писатели. Они не прерывали свой творческий труд в самые тяжелые дни. Они продолжают его и сейчас с удвоенной энергией.

ПХЕНЬЯН. Сентябрь.

По страницам печати

«Трибуна люду» — Польша;
«Скынтейя» — Румыния

ОРКЕСТР ГОРНЯКОВ

Во время последнего всепольского смотра профсоюзных ансамблей музыки, песни и танца в Варшаве первое место среди музыкальных коллективов занял симфонический оркестр шахтеров из Забже.

Историю этого оркестра рассказывает на своих страницах газета **«Трибуна люду»**.

На каждой шахте в Забже и округе существовали оркестры, в которых играли шахтеры — любители музыки. И вот возникла идея объединить лучших из них в один большой ансамбль забженских шахтеров.

«В состав оркестра,— пишет «Трибуна люду»,—**входит 60 человек, почти исключительно горняков, работающих в шахтах, в том числе несколько передовиков труда. Это, например, навалоотбойщик с шахты «Макотовы» Ян Яскулка, рационализатор шахты «Валенты-Вавель» Теодор Козел, токарь ремонтных мастерских шахты «Забже-Захуд» Генрих Мусял и другие».**

СЧАСТЬЕ ПРОСТОЙ ЖЕНЩИНЫ

Многие юноши и девушки из стран народной демократии обучаются в высших школах Советского Союза. Среди них находится и Сильвия Някшу. Она родилась в семье бедных тружеников на одной из окраин Бухареста, в районе Бэняса.

Газета **«Скынтейя»** опубликовала письмо матери Сильвии — Елены Някшу. Она пишет, что в «день, когда советский народ принес нам освобождение, началась новая, счастливая жизнь».

«Мой младший сын,— продолжает Е. Някшу,— **учится в Бухаресте на геологическом факультете, а дочь Сильвия — на четвертом курсе Института народного хозяйства имени Плеханова в Москве. Там же ее муж закончит весной 1954 года аспирантуру. Могла ли я мечтать о таком счастье? Моя старость обеспечена. Да я и сама как бы помолодела. Вот почему я, простая женщина Бэнясского района Бухареста, преисполнена благодарности к великому советскому народу, которому мы навеки обязаны нашим счастьем».**

Главный редактор Б. РЮРИКОВ.

Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, В. ОЗЕРОВ (зам. главного редактора), Н. ПОГОДИН.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва 51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета), Телефоны: секретариат — К 4-01-62, разделы: литературы и искусства — К 4-02-29, К 4-01-88, внутренней жизни — К 4-08-89, К 4-72-88, международной жизни — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва, Цветной бульвар, 30

Б02851.